

№1 2002

13

1645760

95.2
T-16

ТАЛЫЦЫ

ТАЛЬЦЫ

Тальцы • 1(13) • 2002

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
• АРХИТЕКТУРА • ЭТНОГРАФИЯ • ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ •
• ТОПОНИМИКА • ФИЛОЛОГИЯ •

Издается с 1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Н.В. Кочешков. Этнографические труды Якова Ивановича Линденау 3

Л.Г. Полетаева. Вклад декабриста Николая Александровича Бестужева в культуру Забайкалья 8

Н.М. Полунина. Этнограф и путешественница Александра Викторовна Потанина (1843–1893) 15

Ю.В. Кузьмин. Нина Павловна Шастина — исследовательница Монголии 22

ПО СЛЕДАМ ЭКСПЕДИЦИЙ

Н.А. Подобина. Экспедиция на Зимний берег Белого моря .. 27
У НАС В ГОСТЯХ

Г.А. Ткачевич. Белорусский раритет — государства авторитет, или Перспективы развития Белорусского государственного музея народной архитектуры и быта 34

НОВЫЕ ЭКСПОЗИЦИИ

В.В. Тихонов. Бурятская юрта конца XIX – начала XX века из улуса Баянгазуй 39

МУЗЕЙНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Н.М. Романова. Научно-методическая деятельность Российского Этнографического музея с региональными музеями: опыт работы и перспективы 45

... 52

... 68

... 72

... 73

... 74

... 80

1.645760

1645760

44.001
08

Учредитель и издатель:

Архитектурно-этнографический музей «Тальцы».

ЛР 040958 от 01.04.99. АЭМ «Тальцы».

Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2. Тел. (8-3952) 33-47-05

Редакционная коллегия:

к.и.н. Т.А. Крючкова, к.и.н. Ю.П. Лыхин (отв. секретарь),

Л.В. Мельникова, к.и.н. О.Ю. Сечейко, А.К. Нефедьева,

В.В. Тихонов (гл. редактор)

Редактор-составитель номера:

Ю.П. Лыхин

Редактор: Г.Д. Лопатовская

Компьютерный набор: А.В. Горбунова, Ю.П. Лыхин

Оригинал-макет: Ю.С. Макарова

Подготовка к печати: Изд-во «ЧП Макаров»

Свидетельство о регистрации № И-0236 от 21 декабря 1995 г. выдано Региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации.

Адрес редакции: Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2. Тел. (8-3952) 33-47-05, факс (8-3952) 20-10-92.

На обложке:

С. 1 — Ветряная мельница из д. Янушовка Мядельского района. Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта. *Фото В.В. Тихонова*

С. 2 — Бурятская юрта (улус Баянгазуй) в музее «Тальцы» в процессе реставрации. *Фото В.В. Тихонова*

С. 3 — Масленица в «Тальцах». *Фото В.В. Тихонова*

С. 4 — Покровская церковь XVII века из д. Логнавичи Клецкого района. Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта. *Фото В.В. Тихонова*

Подписано в печать 19.17.02. Формат 60х90 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 3,75. Уч.-изд. л. 3,2. Тираж 1000 экз.

Заказ № 1081. Цена свободная

Отпечатано в ИПО ИГЭА, г. Иркутск, ул. Ленина 11.

Издательство ИП «Макаров С.Е.»

тел. 516-460, 516-484

© АЭМ «Тальцы», 2002

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ ЯКОВА ИВАНОВИЧА ЛИНДЕНАУ

*Николай Владимирович Кочешков,
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
г. Владивосток*

В становлении и развитии российской этнографии большую роль сыграла знаменитая Великая Северная экспедиция 1733–1743 годов, задуманная еще Петром I и проведенная Академией наук России. Эта экспедиция надолго определила главнейшие линии развития этнографических исследований. Выдающиеся ее участники командор Витус Беринг, академики Гмелин, Миллер, Крашенинников, Фишер обессмертили свои имена, сделав громадный шаг вперед в деле изучения природы и населения Сибири и намного опередив развитие науки во всех других странах мира. Среди этих ярких личностей как-то затерялся мало кому известный исследователь и путешественник Линденау, активно участвовавший в величайшем научном подвиге российских ученых. Человек, оставивший богатейшее научное наследие, оказался почти полностью забытым, ибо ни одна его работа не была до недавнего времени опубликована. Находясь в фондах Центрального государственного архива древних актов в так называемых портфелях Миллера, интереснейшие труды Линденау до 1963 года не только не были никем изданы, но даже и не переведены с немецкого языка...

Кто же такой Линденау, что нам известно о нем?

Яков Иванович Линденау (1699–1794), швед по национальности, после разгрома армии Карла XII попал в русский плен и не захотел возвращаться на родину. С 1737 года служил в Петербургской губернской канцелярии. Его усердие и способности были замечены: в 1739 году он был принят в состав Великой Северной экспедиции Российской академии наук на должность «переводчика и переписчика с немецкого и латинского языков». В Сибири он вначале работал в отряде Миллера и Фишера, затем, с 1741 по 1743 год, находился в Охотске, занимаясь составлением географических карт и этнографических описаний аборигенов, а также наблюдением за постройкой судна «Святой

Петр» для морской экспедиции Беринга. С 1743 года Линденау работал в Иркутске в подчинении у Стеллера. Летом 1744 года он был послан Стеллером в Удский острог для географических и этнографических описаний тамошних мест и в апреле 1745 года вернулся в Якутск. В 1746 году Линденау приехал в Петербург, привезя с собой «учиненные разным народам, путям, рекам и городам описания», которые были приняты в архив Академии наук. В 1747 году Сенат наградил его чином прапорщика и, согласно его желанию, откомандировал в Москву для работы в Сибирском приказе. Должность мелкого чиновника тяготила Линденау, и он попросил перевода его в Иркутск для использования «по способностям». Успешно проработав в Иркутске на высоких государственных должностях, он в 1764 году приехал ненадолго в Москву, в Главную соляную контору, по делу о своем «пенсione» и для подачи в Сенат прошения на имя Екатерины II «об отводе земли для пропитания с женою и детьми», приисканной им «в Иркутском уезде, близ Балаганского острога на речке Осе». Однако использовать эту землю Линденау не мог «за неимением собственных своих людей и крестьян» и из опасения, что на него мог быть «наложен непосильный оброк, к его разорению». Поэтому Линденау просил, в награду за его «долговременную и беспорочную службу», закрепить за ним «означенную землю Указом в вечное безоборочное владение».

Как он с семьей сумел обустроиться после своих хлопот, так и осталось неизвестным. Следующее известие о Линденау имеется уже от 1786 года, когда от него из Сибири Академией наук было получено составленное им «Некоторое описание об Амуре-реке». В 1790 году живший в Иркутске академик Эрик Лаксман сообщил в академию, что он встречал Линденау, «что ему 91 год, что он оглох и находится в страшной нищете». Лаксман просил о назначении Линденау «пенсiona». Наконец, по еще одному известию, Линденау жил «в убогой хижине на берегу речки Осы, близ Иркутска, и в 1794 году погиб во время пожара». Вместе с ним в его хижине сгорели рукописи и «иные материалы престарелого исследователя».

О вкладе Я.И. Линденау в этнографическую науку свидетельствуют шесть его солидных трудов: «Описание якутов, материалы, собранные с 1741 по 1745 годы», «Описание пеших тунгусов, или так называемых ламутов, в Охотске. 1742 год», «Описание тунгусов, которые живут у Удского острога. 1744–1745 годы», «Описание коряков, их нравов и обычаев по личным наблюдениям автора и по сведениям, полученным от других. 1743 год», «Описание бурят, или так называемых братских, которое собрано в 1745 году в путешествии от Качуга к Байкалу, а также о кыштымских и барабинских татарах» и «Собрание исторических сведений о юкагирах».

Оленные коряки. 1743 г. Рис. Линденау

Каждая из этих работ представляет собою монографию о том или ином народе. Источниками для их написания служили для Линденау прежде всего собственные полевые наблюдения (расспросы местных жителей, зарисовки их быта, записи их преданий) и архивные документы.

Возьмем для примера монографию о якутах. Впервые в науке исследователь столь обстоятельно изучил этот народ в этнографическом отношении. Его интересуют такие сюжеты, как этногенез (происхождение) якутов, их физические и психические свойства, названия родов, жилище, одежда, пища и напитки, утварь, средства передвижения, хозяйство, оружие, свадебные обряды и обычаи, рождение и воспитание детей, обычное право, народные танцы и национальный праздник Ысыах, шаманы и их деятельность, жертвоприношения, народные знания. Это удивительно полное для того времени всестороннее этнографическое описание целого народа, оказавшееся и весьма точным: в нем мало мест, которые не были бы впоследствии подтверждены исследованиями профессиональных этнографов конца XIX – XX века.

**Пешие тунгусы на Ангаре.
1745 г. Рис. Линденау**

Так же обстоятельно и полно описаны и коряки, исследованные Я.И. Линденау в одиннадцати различных местах их проживания; в описании коряков мы видим, что автору интересны все стороны их жизни и быта, хозяйства и верований. Здесь подробное описание корякских родов, лука и стрел, одежды и ее украшений, предметов обихода, жилища как оленных, так и оседлых береговых коряков и средств передвижения. Очень интересно и живо описан древний обычай сватовства у коряков, исчезнувший уже в XIX веке.

Этнографическое описание тунгусов — это свидетельства их жизни и быта в середине XVIII века, когда родовые отношения были еще очень крепкими и когда в их культуре сохранялось

множество архаических традиционных черт. Я.И. Линденау одним из первых сумел отделить пеших тунгусов от кочевых оленных, эвенкийские роды от ламутских (эвенских) родов.

Интересно, что в этнографическом описании бурят Я.И. Линденау постоянно сравнивает их культуру с культурой тунгусов, справедливо указывая на имеющийся в ней древний тунгусский пласт. По всей вероятности, еще к середине XVIII века среди лесных звероловов и рыболовов Прибайкалья существовали племена, представлявшие тунгусскую, самодийскую и монгольскую языковые общности. Автор этого описания сумел установить, что названия животных и диких зверей у бурят разделяются на группы: одна группа сближает бурятский язык с тунгусским, а другая — с самодийскими (самоедскими) языками. Поразительное сходство культуры бурят с тунгусской культурой Я.И. Линденау правильно объясняет тем, что в результате длительного соседства и общения в далеком прошлом и буряты, и тунгусы вели охотничье-звероловческую жизнь.

Следует отметить также, что по поручению Охотской канцелярии в 1742 году Я.И. Линденау составил оригинальный труд «Географическое описание реки Анадырь, в нею впадших речек и ручьев и

о чукчах, где они находятся, их местах и кочевании и нападении их на российских людей и ясашных коряков». Большой научный интерес имеет вошедшее в этот труд «Описание о Чукоцкой землице», содержащее сведения о местах обитания, кочевках и промыслах чукчей и их меновом торге с юкагирами. Особенно ценно замечание автора о том, что «пешии чукчи находятся в подчинении у оленных, которые насильственно заставляют первых участвовать с ними в их военных походах на коряков».

Свои рукописи Я.И. Линденау богато иллюстрирует мелкими рисунками тушью и пером, нередко приводит даже целые тексты песен и нотные записи. Труды его — это ценнейшее собрание этнографических данных об аборигенных народах Южной Сибири и Дальнего Востока России. По отзыву академика Миллера, Я.И. Линденау «был человек неукротимого усердия, которому, однако, не хватало необходимых знаний». Да, это так — действительно, Линденау не получил университетского образования и поэтому не обладал учеными званиями. При всем том ему по праву принадлежит видное место в числе участников Великой Северной экспедиции Академии наук и выдающаяся роль в деле становления российской этнографии XVIII века.

Такая успешная и весьма плодотворная работа Якова Ивановича Линденау, не оцененная по достоинству ни его современниками, ни сегодняшними нашими учеными, определялась в значительной мере его удивительным обаянием и скромностью, умением общаться с аборигенными народами, выказывая им свое искреннее уважение. Именно благодаря этим его прекрасным человеческим качествам представители различных сибирских народов и племен не только обеспечивали передвижение и снаряжение экспедиции, но и сами охотно принимали участие в его благородной работе во имя российской этнографической науки.

ЛИТЕРАТУРА

Иванов В.Ф. Историко-этнографическое изучение Якутии XVII–XVIII веков. — М., 1974.

Косвен М.О. Этнографические результаты Великой Северной экспедиции. 1733–1743 // Сибирский этнографический сборник. — 1961. — Т. 3.

Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). — Магадан, 1983.

ВКЛАД ДЕКАБРИСТА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА БЕСТУЖЕВА В КУЛЬТУРУ ЗАБАЙКАЛЬЯ

*Людмила Григорьевна Полетаева,
доцент кафедры литературы
Забайкальского государственного
педагогического университета
им. Н.Г. Чернышевского, г. Чита*

Любовь к Отечеству заключается, прежде всего, в
глубоком, страстном и небесплодном желании ему
добра и просвещения.

Н. Некрасов

Сегодня одним из интересных подходов к истории является культурологический, где особо важными становятся ценностные ориентиры. И хотя культурологический интерес к истории культуры может быть различным, ибо это гуманитарная наука, предполагающая множественность точек зрения на один и тот же исторический материал, — есть один общий, глобальный интерес: что дают для понимания культуры нашего времени предшествующие ей другие культуры. Осознавая связь прошлого с современностью, помогающую нам лучше понять самих себя, мы сегодня вступаем в диалог, в ситуацию встречи разных культурных смыслов бытия, которые «требуют от человека постоянного духовного сопряжения» (В.С. Бидлер). В изучении культуры своего края важным становится региональный аспект. На этом пути «ситуация встречи» с удивительными личностными феноменами полезна и продуктивна.

История Забайкалья, некогда называемого Даурией, богата замечательными именами и событиями, общественную значимость которых хотелось бы подчеркнуть.

Прочными узами связаны забайкальцы с декабризмом, которому в 2000 году исполнилось 175 лет. Переосмысливая, «духовно сопрягая» его с нашим временем, с новым подходом к таким сложным явлениям прошлого, как декабризм, мы отмечаем трагические ошибки русской истории и культуры, понятые и принятые сегодня нами. Они выводят нас на новый уровень восприятия русского пути, учат глубокому пониманию сложности этого пути, равно как и сложности развития личности в мире поисков и решений.

Особое место в деле спасения Отечества от деспотизма и не-свободы в начале XIX века занимал вопрос об уяснении русского национального характера, «духа нации». Культурно-идеологическое движение декабристов породило и специфические черты человеческого характера, особый тип нравственного поведения. *Куль*т *братства*, основанный на единстве духовных идеалов, *некоторая экзальтация дружбы и любви*, в высшей степени присущие декабристам, особое понятие *чести* — вот отличительные свойства лучших из дворян первой половины XIX века. Этот вопрос глубоко рассматривается в ряде работ Ю.М. Лотмана, недавно ушедшего из жизни. Этические и эстетические аспекты в поведении декабриста интересны еще и с точки зрения понимания его поведения в новых условиях жизни, то есть в условиях каторги и ссылки. Так, культ братства в определенной степени способствовал образованию «каторжной академии», воплотившей в себе дух искреннего участия в судьбе каждого из ссыльных, высокой просвещенности и желания быть полезным, деятельным там, куда забросила судьба. Среди ссыльных дворян было много писателей и поэтов, инженеров и ученых — цвет просвещенной России. В этой «академии» они не только занимались собственным образованием, но и приобщали детей из местного населения к постижению грамоты и к образованности. Думая о будущем каторжного края, декабристы оставили значительный след в его культуре и просвещении, открыв бесплатные школы, написав учебники, создав научные трактаты о земледелии, флоре и фауне Забайкалья, его полезных ископаемых, быте и нравах аборигенных народов Даурии. Дневники, мемуары и воспоминания многих из декабристов убеждают в этом. Интересны замечания Полины Аннековой-Гебль, братьев Кюхельбекер, Бестужевых, А. Корниловича и др. о бурятах и тунгусах.

В 1839 году заканчивался срок каторги, но впереди были нелегкие годы жизни декабристов на поселении в Сибири, именно тогда они и стали заниматься изучением края. В дневниковых записях забайкальского периода жизни декабриста Вильгельма Кюхельбекера можно найти точные замечания об особенностях характера и быта тунгусов, проживавших в «Даурской Украине», как называли Забайкалье в песнях и сказках того времени. Об этом он писал и лицейскому другу А. Пушкину, сообщая с волнением и радостью о своем увлечении краеведческой работой. Этнографические замечания Кюхельбекера не прошли мимо поэта, и в своем знаменитом «Памятнике» 1836 года Пушкин сказал о *тунгусе*, еще мало знакомом и неразгаданном, поставив его рядом со славянином и финном. Вместе с братом Михаилом Вильгельм Кюхельбекер собрал

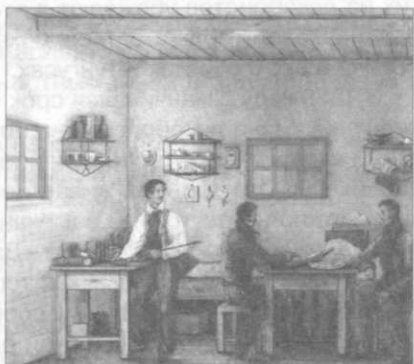

Н.А. Бестужев. Автопортрет. 1837–1839 г.

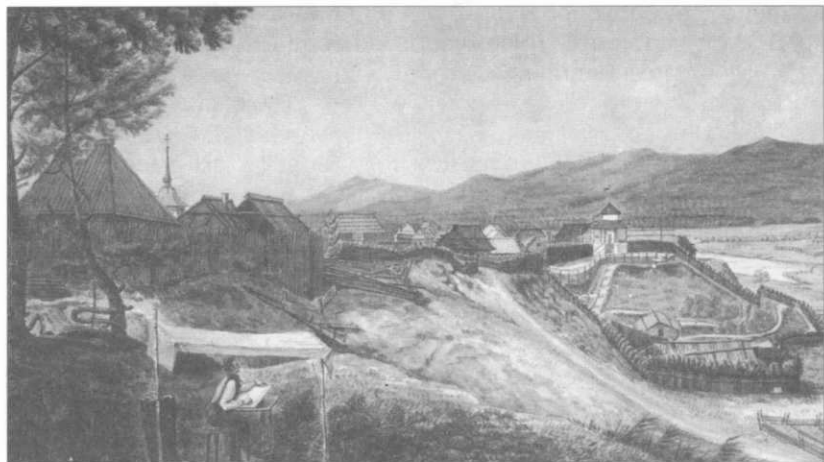
сумевший не просто выжить в условиях сибирской каторги, но во многом повлиять на культурное преобразование края, он был яркой личностью одного из самых драматичных периодов в жизни дворянской России первой половины XIX века. Многогранность его дарования была замечена его современниками. В мемуарах и письмах имя Николая Александровича Бестужева стоит особо, глубочайшим уважением проникнуты строки о нем. Талантливый морской офицер был не менее талантливым художником, создавшим в Читинском остроге и Петровском Заводе большую серию портретов декабристов и их жен на бristolской бумаге, исполненных акварелью с удивительной тонкостью. Сегодня они являются достоянием Михайло-Архангельской церкви Читы, то есть Церкви Декабристов. Самыми ценными в его живописи оказались рисунки камер друзей-союзников: Ивана Пущина, Волконских, брата Михаила и др., а также Дамской (Главной) улицы Читы, где жили жены декабристов.

немало и фольклорного материала, интересуясь языком и культурой аборигенов Акши и Баргузина. Находясь среди бурятского населения, братья Бестужевы тоже собрали большой и разнообразный материал о коренном населении края.

В Селенгинске доживал свой век старший — Н. Бестужев, здесь он был и похоронен в 1855 году. Двадцать восемь лет он прожил в Забайкалье, сначала в Читинском остроге и Петровском Заводе, а с 1840 года на поселении в Селенгинске. Человек высокого ума и благородного нрава, истинный петербуржец,

Н.А. Бестужев. Камера Николая Бестужева в Петровской тюрьме. 1831 г.

Н.А. Бестужев. Чита. Вид сада при комендантской квартире. 1829–1830 г.

Вместе с братом Михаилом Николай мечтал быть на поселении близ Кяхты — центра культуры и торговли сибирского региона, где можно было продавать портреты, чтобы на вырученные деньги как-то устроить свой быт. Прежняя денежная помощь от брата Александра к этому времени уже прекратилась в связи с его гибелью. Братья стремились найти применение своей работоспособности и знаниям именно в Селенгинске, где и климат был лучше читинского, и прекрасная река, изобилующая рыбой, и всего «80 верст от Кяхты, дающей способ получать оттуда все нужное». Полутораговые хлопоты увенчались успехом, благодаря ходатайству другого их брата — Павла Бестужева — Михаил и Николай попали-таки в выбранное ими место на поселение в Селенгинск, где началась их относительно свободная деятельная жизнь с сентября 1839 года. Они поселились в доме купца Д.Д. Старцева при содействии своего друга — декабриста К.П. Торсона, прибывшего сюда раньше (1838), а вскоре купили дом у другого купца — Н.Г. Наквасина. Трудолюбие и стойкость духа помогли им сделать жизнь содержательной и творчески наполненной. Именно кяхтинские заказы богатых людей на портреты во многом выручали братьев Бестужевых. Николай, пробывший в Кяхте три месяца, с конца 1840 по начало 1841 года, получил довольно большую сумму денег за свой труд живописца. Основной темой его литературного наследия (рассказ «Похороны», роман «Русский в Париже в 1814 году», «Шлиссельбургская станция или Отчего я не

Н.А. Бестужев. Вид Читы, снятый из-под горы. 1829–1830 г.

женат»), созданного в период ссылки, была тема личности и ее взаимоотношений с обществом. Писатель раскрывает ее не в политическом, а в нравственном аспекте. Его больше волнует мир внутренних переживаний, он пытается понять природу пассивности своих современников, выяснить причины ее. Многие критики, в том числе и авторитетный П.А. Вяземский, считали Н. Бестужева-прозаика выше его знаменитого младшего брата — писателя и поэта Александра Бестужева-Марлинского.

Особое место в творческой деятельности Н. Бестужева занимало краеведение. В так называемый декабристский период, то есть в период ссылки и каторги, он написал несколько работ этнографического и социально-экономического плана. Путешествуя по разным уголкам Забайкалья, он наблюдал за особенностями климата, ресурсами местной природы, бытом аборигенных народов, в частности бурят. Сегодня его называют первым этнографом Бурятии, что подтверждает целая серия книг, написанных им в 40–50-х годах XIX столетия. «Гусиное озеро», «Бурятское хозяйство», «Очерки забайкальского хозяйства» и другие произведения дают живую картину жизни бурятского народа.

Археологические интересы декабриста наглядно проявились в собирании орудий труда и предметов древности, которые он получал нередко из рук местных жителей, понимавших увлечение своего учителя-просветителя, каковым для них был Н. Бестужев. Богатый археологический материал: ножи, копья, наконечники для стрел и др., — дал ему возможность сделать вывод о том, что в древности буряты знали обработку металла, поливное земледелие. Занимаясь вместе с братом Михаилом зем-

лепашеством в Зуевской пади, где были и сенокосные угодья, он обнаружил там следы древних сооружений. Это подвигло Н. Бестужева на написание научной работы «О найденных ирригационных сооружениях в Забайкалье». Недавно обнаруженные в архивах Кяхтинского краеведческого музея имени академика В.А. Обручева новые материалы подтверждают интерес декабриста к археологии и этнографии. Обращение к диалогу культур — отличительная черта его научных трудов. Н. Бестужева волновала проблема этноса, он был у истоков многих открытий в области изучения этой проблемы, нашедшей сегодня убедительное подтверждение в трудах современных этнографов. Обращаясь к истории народов античного мира, он пытался сравнить быт древних греков с бытом бурят XIX века, выделяя при этом шесть общих признаков: высокое качество медных орудий труда; наличие длинных жилищ; единое ведение развитого пастушеского хозяйства; исключительная любовь к трапезам, включающим баранину; простота в приготовлении пищи; важная роль треножников в качестве подарков.

Относительно первого признака в книге «Очерки забайкальского хозяйства» Н. Бестужев подчеркивает следующее: «Здесь, где железные руды встречаются на каждом шагу, беспрестанно выпаливаются из земли медные ножи. И медь эта такова, что твердостью не уступает железу, а упругостью стали. Значит, в этом отношении древние буряты походили на древних греков гомеровых». Далее он отмечал временный характер отставания кочевых племен и народностей от более развитых. В работах Н. Бестужева дается экскурс в мировую историю разных народов.

В «Гусином озере», которое Е.Д. Петряев считает самым значительным краеведческим трудом, Н. Бестужев возвращается к вопросу о древностях, а также о поверьях бурят, о шаманизме, угады-

Н.А. Бестужев. Дамская улица в Чите. 1829–1830 г.

вая, что многие из поверий аборигенов Забайкалья перешли к русским. Этот труд — результат путешествия Н. Бестужева по селенгинской степи, книга очень ценных замечаний о физическом типе бурят, о свадебных обрядах этого народа, о различных видах деятельности, в том числе о рыбной ловле и кузнечном искусстве, заметки о социальном и религиозном быте. Ученый М.К. Азадовский, глубоко исследуя данную тему, писал, что в этом труде Н. Бестужева даны важные этнографические категории и нравственная характеристика бурятского населения как аборигенного, а также интересные фольклорные записи и переводы автора. Широкообразованный Н. Бестужев не пренебрегал изучением языка местного населения, понимая, что без этого нельзя глубоко проникнуть в его культуру. Колоссальное трудолюбие декабриста-исследователя дало хорошие результаты, которыми мы пользуемся и сегодня. Вместе со своим учеником П.А. Кельбергом — врачом и краеведом, Н. Бестужев дополнил книгу новыми сведениями о целебных свойствах воды, о месторождениях соли и каменного угля. В очерк были включены позже три бурятские песни и сказки, что подчеркивает широту взглядов автора и поднимает историко-культурное значение книги в целом. Известно, что неофициальной женой Н. Бестужева в Селенгинске была бурятка Жигмыт Акаева, горячо любившая его. Их дочь вышла замуж за бурята Николая Гомбоева, так соединились в бестужевском роде два этноса. Правнуки декабриста оказались во Владивостоке, мало зная о своем знаменитом прадеде.

Таким образом, забайкальская декабристада не менее, а может и более, интересна и полезна в своем прочтении именно сегодня, когда вопрос о толерантности в культуре занимает значительное место.

ЛИТЕРАТУРА

- Азадовский М.К. Н. Бестужев-этнограф. — Иркутск, 1925.
Воспоминания Бестужевых. — М.; Л., 1951.
Зильберштейн И.С. Художник-декабрист Николай Бестужев. — М., 1988.
Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. — СПб., 1994.
Петряев Е.Д. Люди и судьбы. — Чита, 1957.
Полетаева Л.Г. Бурятская тема в творчестве Н. Бестужева // Сибирь — Америка: Взаимодействие этносов и культур в полиэтнических регионах. — Чита, 1999.
Розин М.В. Введение в культурологию. — М., 1997.

ЭТНОГРАФ И ПУТЕШЕСТВЕННИЦА АЛЕКСАНДРА ВИКТОРОВНА ПОТАНИНА (1843–1893)

*Надежда Михайловна Полунина,
научный сотрудник
Государственного Исторического музея,
г. Москва*

В Иркутске на улице Трилиссера под № 32 стоит одноэтажный крепкий еще каменный особняк старинной постройки. Здесь, как и в начале XX века, когда особняк был выстроен, размещается библиотека. Но библиотека эта особая: она была выстроена на средства, собранные горожанами в память известной путешественницы Александры Викторовны Потаниной, окончившей свою жизнь далеко от родины в пустынных местах Китая. Библиотека носила имя Потаниной, имела филиалы в разных частях города и была бесплатной для всех горожан.

Это мемориальное здание, выстроенное в честь замечательной русской женщины, участницы экспедиций в труднодоступные и неведомые еще европейцам районы Центральной Азии, к счастью, сохранило время. Удивительно, что и теперь в нем библиотека. Но, к сожалению, со временем имя Потаниной как-то полустерлось из памяти иркутян. Столетие со дня ее смерти, выпавшее на 1993 год, было скромно отмечено статьей историка Семена Федоровича Коваля в журнале «Земля Иркутская», а его призыв отметить мемориальными досками дома, связанные с именем Потаниной, в том числе и здание библиотеки в некогда Нагорной части Иркутска, не был услышан.

А жаль, ибо такие имена надо сохранять для потомков: ее жизнь и творческая судьба возвышают русскую науку и культуру, обогащают историю Иркутска, вплетают в его страницы золотые нити, заставляют с особым почтением взирать на прошлое города, гордиться таким прошлым.

Нельзя сказать, чтобы имя Потаниной было забыто совсем. Нет. Фамилия Потаниных на слуху уже и потому, что муж Алек-

А.В. Потанина

сандры Викторовны, Григорий Николаевич (1835–1920), в истории нашего Отечества известен как крупный географ, этнограф, публицист, фольклорист, как участник общественно-политического движения сибирских областников, как человек, пострадавший от царского режима и испытывавший каторгу и ссылку, наконец, как деятель науки и культуры, принявший Октябрьскую революцию и сотрудничавший с советской властью.

Об Александре Викторовне Потаниной чаще всего говорят как о верной помощнице ученого мужа, как о незаменимой спутнице в его научных путеше-

ствиях. В документах она значилась просто: «сопровождающей начальника экспедиции женой». Но вне всякого сомнения, Александра Викторовна была полноправным сотрудником, хорошо подготовленным именно для научной работы в столь тяжелых и ответственных условиях, и не только помогавшим во всех делах мужу-руководителю экспедиции, но и самостоятельно проводившим ценные и глубокие исследования.

И хотя она была избрана членом такого почетного в прошлом Русского Географического общества и отмечена его медалью сразу, по горячим следам, ее заслуги перед наукой не нашли еще своего глубокого исследователя и истолкователя. И прежде всего ее заслуги перед этнографической наукой.

Скоро должен выйти из печати четвертый том энциклопедии «Отечественная история», где Потаниной будет посвящена наша статья. Вот ее текст.

Потанина Александра Викторовна (25. 1. 1843, г. Горбатов Нижегородской губ. — 19. 9. 1893, Китай: похоронена в г. Кяхта), этнограф, путешественница. Жена Г.Н. Потанина.

«Урожденная Лаврская. Из семьи священника. Образования не получила. В 1866–1873 служила классной дамой в Нижегородс-

1645460

ком женском епархиальном училище. В декабре 1873 вышла замуж за Г.Н. Потанина. В 1874 переезжает в Петербург, активно включается в деятельность Русского Географического общества и в 1874–1875 целеустремленно готовится к научным экспедициям, в которых решила сопровождать мужа; изучает европейские и восточные языки (основательно изучила английский, могла изъясняться и переводить с монгольского и китайского), под руководством В.В. Стасова изучает художественную культуру народов Азии, занимается рисунком.

Вместе с мужем участвовала в 4 экспедициях Русского Географического общества: в сев.-зап. Монголию, Туву (1876–77, 1879–80); в сев. Китай, вост. Тибет, центр. Монголию (1884–86, 1892–93).

В экспедициях была помощником начальника, вела метеорологические наблюдения, собирала ботанические, зоологические, энтомологические коллекции, вела дневники, участвовала в подготовке и публикации отчетов. Самостоятельно занималась этнографическими исследованиями: изучала общественный и семейный быт, материальную культуру, народное творчество народов Сибири и Центральной Азии — бурят, китайцев, монголов, тибетцев, урянхайцев, широнголов: этнографические очерки (около 20) публиковала в периодике и научных изданиях (собраны и изданы посмертно в 1895 г. в книге «Путешествия по Монголии, Китаю и Тибету»). Наиболее ценным считается ее труд о бурятах. Остался незавершенным труд, посвященный похоронным обрядам сибирских инородцев, жизненному укладу тувинцев.

Особой ценностью отличались собранные ею материалы о положении женщины в обществе, так как только А.В. Потанина имела возможность посещать женскую половину, общаться с женщинами, наблюдать их быт, семейные отношения, изучать их одежду, нравы, обычаи, присутствовать на церемониях, в которых участвовали женщины. Именно это значительно расширило рамки исследований по сравнению с предшествующими экспедициями Географического общества и, в конечном итоге, значительно обогатило этнографическую науку.

Собрала значительную коллекцию предметов быта и искусства, выполнила многочисленные зарисовки, особенно орнаментов (по просьбе В.В. Стасова).

На основе коллекции орнаментальных украшений, собранных

А.В. Потаниной, В.В. Стасов установил связь русских орнаментов с восточными, высказал предположение о религиозной символике рисунков, о наличии древнейших связей между Россией и Востоком. Коллекция эмалей, привезенная Потаниной из экспедиции и переданная Н.П. Кондакову, позволила ему внести коррективы в теорию о происхождении искусства эмали: отнести зарождение искусства к более древнему периоду, признать роль азиатских народов в зарождении и развитии этого древнейшего искусства.

Одной из первых женщин принята в члены Русского Географического общества (1887), награждена Золотой медалью общества (1887), первая женщина-этнограф, исследовательница Центральной Азии.

Обладала литературным дарованием, публиковала рассказы. Написала книгу «Доржи, бурятский мальчик» (М., 1905)».

Биография Потаниной была написана на основе опубликованных источников, в которых, к сожалению, не встретился серьезный анализ этнографического материала, собранного неумолимой исследовательницей во второй половине XIX века. Хочется надеяться, что такой анализ будет со временем проведен. Также хочется надеяться, что на здании районной библиотеки по улице Байкальской появится со временем и мемориальная доска, которая увековечит имя замечательной русской женщины.

Завершить статью хочется отрывком из воспоминаний о ней выдающегося деятеля русской культуры Владимира Васильевича Стасова, опубликованных вскоре после трагической кончины Потаниной, в которых он воссоздает ее нравственно чистый и глубокий облик и дает оценку ее трудам.

«Мое знакомство с Александрой Викторовной Потаниной было непродолжительно. Тем не менее я успел узнать и оценить ее вполне достаточно для того, чтобы навеки быть ей благодарным, а иногда и удивленным ею.

Я слышал много раз, какая это была совсем особенная, неумолимая и непоколебимая женщина, не отступавшая никогда от принятого намерения: она была помощницей, товарищем, советницей, другом своего мужа не только во всех его житейских и домашних его делах, но также и в его интеллектуальных, научных предприяттиях и трудах; я слышал, с какой энергией, твердостью и самоотвержением она выполняла это чудесное дело.

Мне привелось познакомиться с Александрой Викторовной в

1883 году совершенно случайно. Григорий Николаевич Потанин пришел ко мне в Императорскую публичную библиотеку, надеясь получить у нас нужные ему сведения. В одну из наших бесед вдруг приходит к нам и Александра Викторовна, которая кончила свои занятия в общей читальной зале публичной библиотеки и собиралась воротиться домой с мужем. От этой маленькой, ничтожной случайности произошло наше знакомство. Как я был благодарен потом этой случайности!

Впечатление, произведенное на меня Александрой Викторовной, было совершенно особенное. Она не была красива, но в ней было что-то такое необыкновенно притягательное для меня. В ее лице была какая-то страдальческая черта, которая делала ее необыкновенно симпатичною, хотя мне вовсе не было известно ни тогда, ни теперь, были ли у ней в самом деле страдания в жизни. Но это были какие-то исключительные черты, глубоко нарезанные на ее бледном серьезном лице, и я не мог смотреть на нее без особенного чувства, совершенно необъяснимого и мне самому. У нее был взгляд такой, какой бывает у людей много думающих, много читавших, много видевших и проводящих свою жизнь в том, что много видят, много читают и много думают. Иногда этот взгляд казался рассеянным и потерянным, но все-таки необыкновенно сосредоточенным и углубленным.

И вот, таким-то образом я тотчас же постарался познакомиться с этой особенной женщиной, в которой я сразу чувствовал необыкновенную прочность душевную и надежность умственную. Стал расспрашивать ее, что она, Александра Викторовна, намерена (в экспедиции) в особенности наблюдать или исследовать.

Она постоянно отвечала мне: «Куда я еду? Зачем? Помогать мужу. Что он укажет, чем он сам будет заниматься, тем и я. Ему нельзя поспеть все сделать — у него столько хлопот, столько работы, вот я и вздумала делать все, что он не успеет. Да сверх того, путешествия, наблюдения — мне только радость».

«Конечно, конечно, Александра Викторовна, — отвечал я, — ничуть не сомневаюсь, что главная ваша цель именно эта и вы ее чудесно исполняете. Но мне кажется по всему, что у вас есть тоже и своя собственная задача, исключительно вам принадлежащая, задача этнографическая, вещевая».

И действительно, Александра Викторовна с необыкновенным, совершенно особенным интересом рассматривала костюмы, наряды, орнаменты, рисунки и фигуры множества предметов до-

машней и ежедневной жизни, преимущественно азиатских народов, которые я ей показывал в атласах и великолепных увражах нашей библиотеки.

Григорий Николаевич (присутствуя однажды при нашем разговоре) вдруг заговорил: «Вы спросите, сколько у ней у самой нарисовано в путешествиях подобных же вещей?»

Тотчас же усердно пристал к моей собеседнице и она принуждена была принести мне на другой день то, что у ней было зарисовано в дороге и на стоянках, то пером, то карандашом, то красками. Из ее путешествий второй половины 70-ых годов были ею привезены очень любопытные рисунки узоров, вырезанных из железа с насечкой серебряною и украшающих седла, подпруги и стремяна; рисунки женских серег; вышитых золотою и серебряною батью красных суконных женских шапок.

Узнав эти рисунки и видя их точность и верность, я стал упрямить Александру Викторовну обратить внимание в предстоящем ее путешествии на всяческие узоры, рисунки и украшения бытовых предметов и не только обращать внимание, но и зарисовывать их со всею возможною точностью.

Она разделяла мое мнение о важном значении не только для художества, но и для истории культуры и религии многих из подобного рода украшений и потому обещала мне выполнять мою просьбу.

Сверх того, я просил Александру Викторовну обращать внимание на то, нет ли каких эмалей на разных бытовых предметах и украшениях. Александра Викторовна, улыбаясь своею тихою кротою улыбкою, сказала: «Извольте, обещаю всем этим заняться, все сделаю для ваших вопросов, что могу, пришлю или привезу вам, что только можно».

И она исполнила свое обещание. Из третьей экспедиции она привезла документы по художественно-этнографической части чрезвычайной, значительной важности. Я их получил от нее весной 1887 года.

...Эти рисунки монгольских и китайских эмалей, до 80-ых годов настоящего столетия вовсе неизвестные в Европе, сделались достоянием науки; я сообщил эти рисунки профессору Кондакову, писавшему текст в упомянутом мною выше издании А.В. Звенигородского «История и памятники византийской эмали», он признал их важность, рисунки эти напечатаны в великолепной этой книге.

Кроме того, привезла платок с тибетского нагорья с вышивкой в виде свастики — креста с загнутыми краями — подобно русским крестьянским вышивкам, сравнение которых раскрывает древнее религиозное значение рисунка и еще важнее — указывает на древнейшие связи России с Востоком, на происхождение с Востока многих таких предметов, которые мы привыкли считать коренными и издавна русскими.

Снова стал просить в новой экспедиции собрать коллекцию вышивок, так как понимал важность их. В 1892 году она собрала большую коллекцию, которая представляла еще более значительности и важности, чем платок, привезенный в 1887 году.

В письме Григорий Николаевич Потанин писал мне, что «открытие вышивки в Сы-Чуане и оценка их интересности принадлежала исключительно моей жене».

Я придаю очень высокое значение открытию Александры Викторовны: оно проливает новый свет на некоторые подробности домашнего быта русского народа и на древние связи нашего Отечества с Востоком».

ЛИТЕРАТУРА

Зарин В., Зарина Е. Путешествия А.В. Потаниной. — М., 1950 (библиография трудов А.В. Потаниной).

Ивановский А.А. Александра Викторовна Потанина: Некролог // Этнографическое обозрение. — 1894. — № 1.

Коваль С.Ф. Александра Викторовна Потанина (к 100-летию со дня смерти) // Земля Иркутская. — 1994. — № 1.

Полунина Н.М. Бесконечная дорога // Памятники Отечества. — 1992. — № 28.

Полунина Н.М. Потанина А.В. // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. — М.: Большая Российская энциклопедия. — Т. 4 (в печати).

Потанин Г.Н. Воспоминания / Литературное наследие Сибири. — Т. 1–2. Новосибирск, 1983–1986.

Стасов В.В. Мои воспоминания об Александре Викторовне Потаниной // Северный вестник. — 1895. — № 4.

НИНА ПАВЛОВНА ШАСТИНА — ИССЛЕДОВАТЕЛЬНИЦА МОНГОЛИИ

*Юрий Васильевич Кузьмин,
доктор исторических наук, профессор
Иркутской государственной
экономической академии*

Нина Павловна Шастина (1898–1980) — крупный российский ученый-монголовед, автор более 80 публикаций по истории и историографии Монголии. Значительную часть своей творческой, научной жизни прожила в Монголии, в Ленинграде и Москве. Однако она родилась в Иркутске, получила здесь образование и в 1943–1945 годах работала в Иркутском университете, поэтому мы имеем право считать ее иркутским монголоведом. Тем более, что Н.П. Шастина передала свой глубокий интерес к Монголии и монголоведным исследованиям студентке Е.М. Даревской, которая стала ее своеобразной преемницей в Иркутске.

Творческая карьера Н.П. Шастиной вполне состоялась, была защищена кандидатская диссертация, она являлась старшим научным сотрудником Института востоковедения. К сожалению, подготовленная докторская диссертация по историографии русского монголоведения оказалась незавершенной и незащищенной. Вклад Н.П. Шастиной в изучение этой темы очень весом и значителен, он до сих пор не превзойден и остается лучшим.

Н.П. Шастина

Творческая биография Н.П. Шастиной только начинает исследоваться. Нам известны две публикации К.Н. Яцковской, изданные к столетию ученого. Установлено, что сохранились в архиве дневники Н.П. Шастиной, которые изучала извест-

ная исследовательница истории Монголии И.И. Ломакина. Нами также к юбилею Н.П. Шастиной была подготовлена ее краткая научная биография.

Н.П. Шастина родилась 19 декабря 1898 году в семье П.Н. Шастина — известного иркутского врача, положившего начало династии врачей Шастиных, три поколения которых плодотворно работали в Монголии, его имя носит одна из крупных больниц Улан-Батора, около нее установлен его бюст. П.Н. Шастин в 1923 году приехал в Монголию, где проработал 14 лет, открыл первую больницу и амбулаторию в стране, которые и возглавлял.

В 1923 году Н.П. Шастина окончила педагогический факультет Иркутского госуниверситета. Во время учебы в университете молодую студентку больше всего интересовали классическая литература, активное участие в поэтическом объединении «Барка поэтов». В него входили В. Преловский, С. Алякринский, Е. Титов, А. Мейсельман, М. Имрей, А. Шостакович, Н. Шастина. Они стремились к чистому эстетическому творчеству, сторонились идей и идеалов современности. Это было литературное объединение, противопоставленное пролетарским и революционным литературным сообществам. Как в советское время написал профессор В.П. Трушкин, «формирование молодой советской литературы в Сибири проходило в борьбе и противоречиях. Илховцы (Иркутское литературно-художественное объединение. — Ю. К.) вынуждены были преодолевать чуждые эстетические влияния и концепции, которые они испытывали со стороны старшего поколения литераторов, группировавшихся в кружке под названием «Барка поэтов», отражавшем во многом отжившие, эстетические, порой явно декадентские тенденции в искусстве». Разумеется, сегодня оценки «Барки поэтов» кардинально изменились. Переизданы отдельные книжки членов этого сообщества. Н.П. Шастина пробовала сама писать стихи. Ее научные интересы находились тогда в области классической исторической науки, она серьезно интересовалась египтологией и планировала посвятить этому свою жизнь. В то время в Иркутске, как известно, находились и преподавали несколько крупных ученых из Москвы и Петербурга, которые могли привить такой интерес. Так, в 1918–1921 годах в Иркутском университете преподавал известный ученый И.Г. Франк-Каменецкий (1880–1937), автор специальных работ по

египтологии: «Памятники египетской религии в фиванский период» (1917), «Религия Амона и Ветхий завет» (1921). Большую заинтересованность Н.П. Шастина проявляла к истории религии, поэтому в дальнейшем ее так серьезно привлечет ламаистская религия, мистерия Цам, тибетские и монгольские буддийские древности. Н.П. Шастина получила классическое гуманитарное образование, хорошо знала европейские языки, что в дальнейшем поможет ей стать высоким профессионалом-монголоведом. Однако никакого интереса к Монголии, ее культуре она не испытывала.

В одном из стихотворений поэта «Барки поэтов» Андрея Шостаковича, посвященном Нине Павловне Шастиной, мы читаем:

*Вы любите старинные романы,
маленькие томики в шагреновой коже,
где признанья в любви так медлительно странны,
где «т» и «ш» друг на друга похожи,*

*где цыгане всегда похищают ребенка,
но Рука Провиденья ведет по бродяжным дорогам,
где борзые залают порывисто-звонко,
узнав его у родного порога,*

*где нежные леди под розовым зонтиком
глаза опускают при встрече низко,
где капитаны, играя кортиком,
с содовой водой пьют жгучую виски,*

*где гувернантки с изящною грацией
смущают лордов любви вопросами,
где в старом парке желтеют акации,
рукою садовника искусно причесаны,*

*где в маленькой нищенке примут участие
несколько влиятельных лиц,
где все кончается к общему счастью
в десяти томиках по двести страниц.*

1921 г.

Н.П. Шастина входила в состав правления «Барки поэтов». Из воспоминаний поэта М.М. Скуратова известно, что молодая поэтесса писала о французских маркизах и виконтах, о галантном XVIII веке. Писала до тех пор, пока ее тетрадь, забытая на крыльце отеческого дома, не была сжевана коровой, отчего Н. Шастина упала в обморок.

В 1924 году Н.П. Шастина приезжает в Монголию, к своему отцу, где будет находиться и работать 13 лет. Позднее она вспоминала: «Путь был труден и долог. Из Иркутска до Урги мы с младшим братом добирались целых две недели... Первое впечатление от Урги было — XVII век. Вот куда я попала — из XX прямо в XVII век. Глухие высокие заборы, выглядевшие неприступными от того, что лиственничные бревна поставлены торчком, кривые улочки, переулки, где царствуют собаки, монастыри и буддийские храмы оригинальной архитектуры». От занятий египтологией пришлось отказаться и заняться буддологией. Здесь она работает в Ученом комитете, изучает монгольский и тибетские языки, буддийские храмы, восточную философию и литературу Монголии, публикует свои первые статьи.

В 1925 году в Улан-Баторе находилась экспедиция знаменитого Н.К. Рериха. Особый интерес к монгольской кочевой культуре проявил Ю.Н. Рерих, изучавший монгольский язык и этнографию. Позднее было издано совместное исследование Н.П. Шастиной и Ю.Н. Рериха «Грамота царя-Петра I к Лубсан-тайджи и ее составитель» (1960).

В Монголии она работает рядом с очень известными монгольскими учеными и советскими специалистами-монголооведами. Эта совместная работа стала для Н.П. Шастиной своеобразным монголоведным университетом. Занимается она и переводами работ крупных европейских монголистов на русский язык, в частности переводом с французского книги Д'Оссона. С 1930 года работает в Ученом комитете МНР, публикует свои первые научные статьи, посвященные монгольскому театру, мистерии Цам, архитектуре монгольских монастырей.

С 1937 по 1942 год Н.П. Шастина живет в Ленинграде, работает в Библиотеке Академии наук и библиотеке Института этнографии АН СССР, продолжает заниматься монголоведением.

В 1943–1945 годах живет в Иркутске, работает преподавателем в Иркутском госуниверситете и готовит кандидатскую диссертацию «Первые сношения Московского государства с Алтынами Западной Монголии», которую защитила в 1950 году в

Ленинграде. С этого времени до 1978 года плодотворно работает в Институте востоковедения АН СССР.

Н.П. Шастина внесла значительный вклад в изучение и публикацию крупнейших памятников монгольской историографии — летописей и монгольских хроник: «Шара туджи» (1957), «Алтан тобчи» Лубсан Данзана (1973), опубликовала монографию «Русско-монгольские посольские отношения в XVII веке» (1958).

Н.П. Шастина являлась крупнейшим историографом монгольской истории, ее перу принадлежат очерк «История изучения МНР» (1952), статья «Изучение истории Монголии после Октября» (1967), статьи об известных русских и советских востоковедах: И. Рассохине, И. Бичурине, В. Васильеве, Б.Я. Владимирцове, Д. Банзарове. Она принимала участие в подготовке крупных коллективных работ: однотомника «История МНР», шести выпусков «Очерков по истории русского востоковедения» (1953–1963), в переиздании «Истории монголов» и «Путешествий в восточные страны» Плано Карпини и В. Рубрука (1957). Всего опубликовано более 80 статей. Часть материалов осталась в рукописях.

Таким образом, мы видим, что в творчестве Н.П. Шастиной нет ничего случайного, а четко прослеживается несколько тем ее научных поисков и исследований: история ламаистской церкви, русско-монгольские отношения XVII века, источниковедение и историография Монголии, история русского монголоведения. Наибольший интерес она проявляла к изучению исторических монголоведных исследований, здесь она первопроходец и новатор. Качество и объем работы, проделанной Н.П. Шастиной, поражает современного исследователя. Высокая культура исследования, точность и скрупулезность научных выводов ученого заслуживают глубокого уважения и почтения.

ЛИТЕРАТУРА

Книга братства. — М., 1971.

Литературная Сибирь: Критико-биобиблиографический словарь писателей Восточной Сибири. — Иркутск, 1988.

Шостакович А. Гаснувший терем. — Иркутск, 2000.

Яцковская К.Н. Неопубликованные материалы 20-х годов из личного архива Н.П. Шастиной (1898–1980) // Монголика - III. Из архивов отечественных монголоведов, XIX – начало XX вв. — СПб., 1994.

ЭКСПЕДИЦИЯ НА ЗИМНИЙ БЕРЕГ БЕЛОГО МОРЯ

*Надежда Алексеевна Подобина,
архитектор Архангельского
государственного музея деревянного
зодчества и народного искусства
«Малые Корелы»*

Плановая научная экспедиция Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» состоялась в конце июля 2001 года. Старший научный сотрудник А.Б. Пермиловская и автор данной статьи решали задачу по сбору полевых и научных материалов по темам:

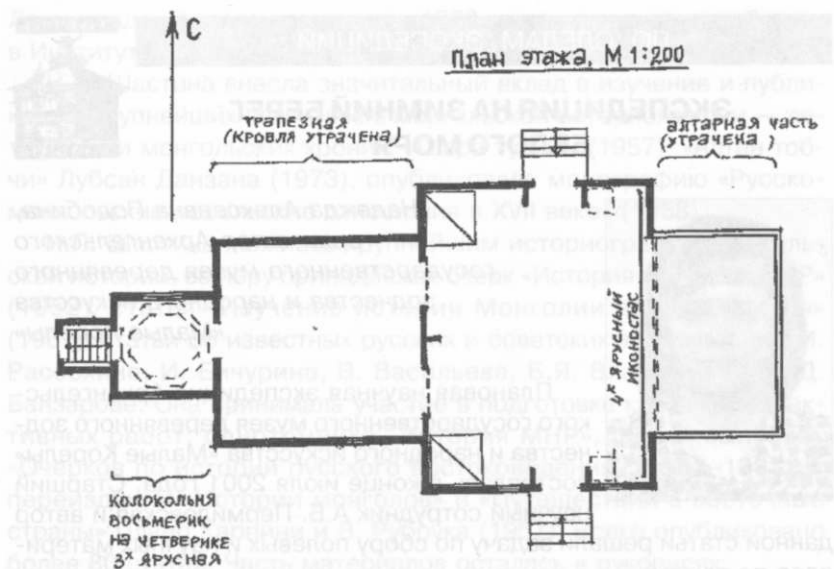
- планировки поморских поселений;
- поморские жилые дома;
- деревянные обетные кресты Русского Севера.

Первым населенным пунктом, который посетила экспедиция, была поморская деревня Верхняя Золотица. Туда доставил нас самолет Ан-2 23 июля 2001 года. Кроме самолета связь Архангельска с Зимней Золотицей в период навигации осуществляется еще и теплоходом до деревни Нижняя Золотица, которая расположена на берегу Белого моря в устье реки Золотицы.

Верхняя Золотица — это небольшая северная деревня на полторы сотни дворов. В 1987 году здесь проживало 245 человек. Расположена деревня в основном на правом берегу реки Золотицы в 10 километрах от Белого моря. На левом берегу находятся старое и действующее кладбище, шесть жилых домов и аэропорт со взлетно-посадочной полосой.

Территория, на которой расположена деревня Верхняя Золотица, находится между двумя водоразделами — холмами, поросшими густым хвойным лесом. Планировка деревни — прибрежно-рядовая, дома стоят в два-три порядка, окна главных фасадов обращены к реке.

Здесь, в Верхней Золотице, мы познакомились с местным жителем Сергеем Анатольевичем Горячевым, студентом художественного лицея № 35 города Архангельска. Сергею 20 лет, четыре года

Церковь Рождества Пресвятой Богородицы, д. Верхняя Золотица (Приморский р-н, Архангельская обл.), 1875 г. Обмеряла и чертила архитектор Н.А. Подобина

назад он взял на себя заботу о возвращении к жизни церкви Рождества Пресвятой Богородицы, построенной в 1875 году в деревне Верхняя Золотица. Она расположена на краю деревни.

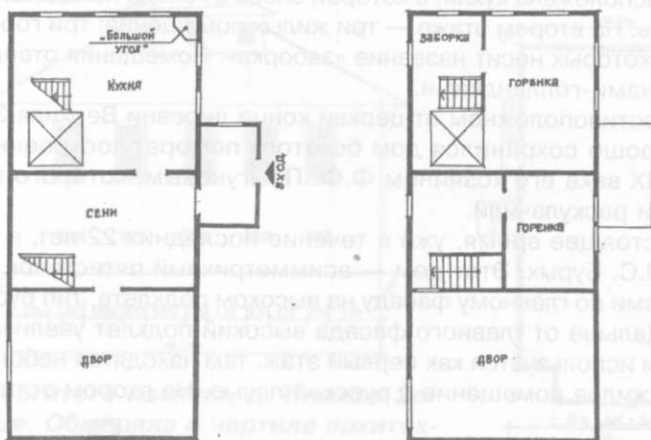
В настоящее время храм претерпел значительные утраты: разобраны кровля и стропильная конструкция крыши над трапезной, частично разрушено покрытие колокольни, разобраны полы в этих помещениях, там сохранились только балки перекрытия, разобраны лестница и перекрытия всех ярусов колокольни.

Церковь имеет придел Николая Чудотворца — покровителя рыбаков и моряков. Она была устроена для зимнего богослужения и имела две печи, которые в настоящее время утрачены. Колокольня — два восьмерик на четверике — соединена с храмом полуразрушенной трапезной. В интерьере церкви сохранился остов четырехярусного иконостаса, но его иконы утрачены.

Сергей Горячев уже четыре года по собственной инициативе занимается восстановлением храма: поставил крест над куполом, отремонтировал и покрасил крышу, затянул окна полиэтиленовой пленкой, находит в книгах иконописные сюжеты и рисует их, ставит свои работы на место утраченных икон. Такое хорошее начина-

план 1 этажа

план 2 этажа

**Дом Чекалевой Матрены Гавриловны, д. Верхняя Золотица.
Конец XIX в. Обмеряла и чертила архитектор Н.А. Подобина**

ние, но грустно, что оно не получает сколько-нибудь существенной поддержки и помощи со стороны властей и местных жителей.

Деревня застроена в основном одно-, двухэтажными четырехстенками в три-четыре окна по главному фасаду, на среднем или высоком подклете. Реже встречаются пятистенки. Декоративное убранство домов практически отсутствует.

В ходе экспедиции были зафиксированы планировочные решения двух типичных четырехстенок — Леонтьева и М.Г. Чекалевой.

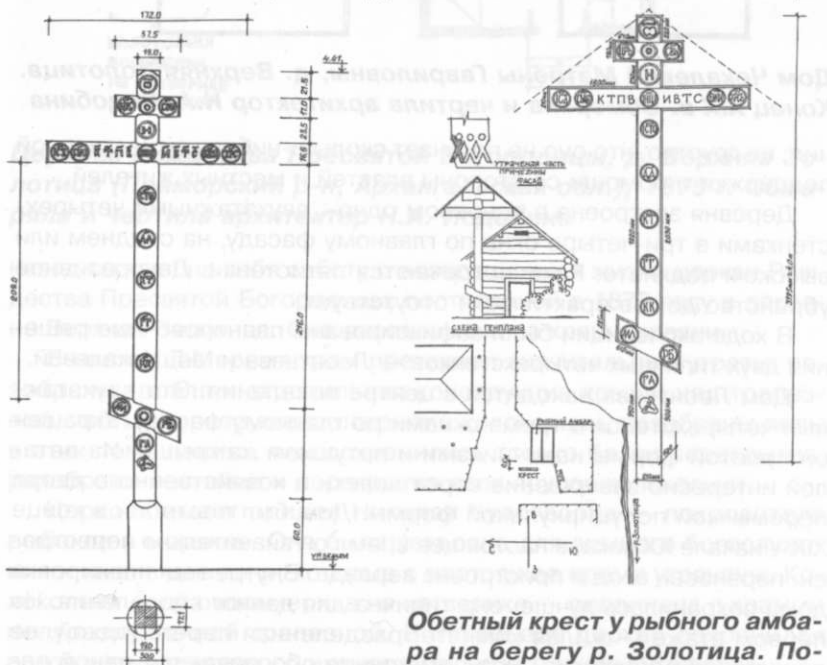
Дом Леонтьева находится в центре поселения. Это двухэтажный четырехстенка с тремя окнами по главному фасаду. Украшен он простой формы наличниками и петушком на крыше. Из деталей интересно завершение ворот повети и хозяйственного двора перемышкой полуциркульной формы. Дом был построен в конце XIX — начале XX века, в настоящее время он значительно перестроен: перенесен вход и пристроена веранда. Внутренняя планировка дома сохранилась лучше, она типична для данного поселения. На первом этаже — жилая комната, разделенная перегородкой, не доходящей до потолка. Оба помещения обогреваются одной печью. Сени соединяются с хозяйственной частью дома и кухней, в которой располагается русская печь. Планировка помещений второго этажа повторяет планировку первого.

Дом М.Г. Чекалевой построен в конце XIX века. Это, как и дом Леонтьева, двухэтажный четырехстенка с тремя окнами по главно-

му фасаду. Прием соединения жилья и двора — «брус». На первом этаже расположена кухня, в которой слева от входа находится русская печь. На втором этаже — три жилых помещения: три горенки, одна из которых носит название «заборка». Помещения отапливаются печами-голландками.

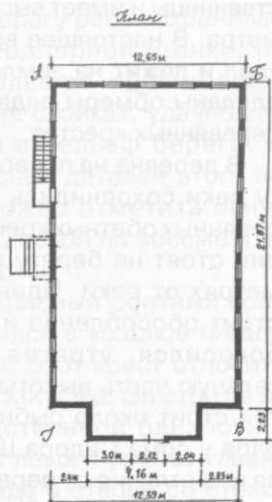
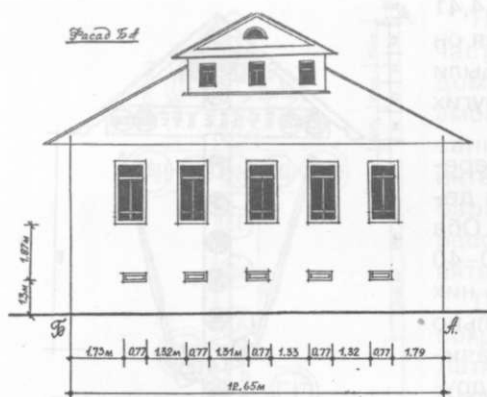
На противоположном от церкви конце деревни Верхняя Золотица хорошо сохранился дом богатого помора, построенный в конце XIX века его хозяином Ф.Ф. Прыгуновым, которого впоследствии раскулачили.

В настоящее время, уже в течение последних 22 лет, в доме живет М.С. Бурых. Этот дом — асимметричный пятистенник с пятью окнами по главному фасаду на высоком подклете, тип рубки «в лапу». Дальше от главного фасада высокий подклет увеличен по высоте и используется как первый этаж, там находятся небольшая лавка и жилое помещение с русской печью. На втором этаже три

Деревянный обетный крест на церковном кладбище (левый берег р. Золотица). Обмеряла и чертила архитектор Н.А. Подобина

Обетный крест у рыбного амбара на берегу р. Золотица. Поставлен на удачный промысел тюленя, д. Верхняя Золотица. Обмеряла и чертила архитектор Н.А. Подобина

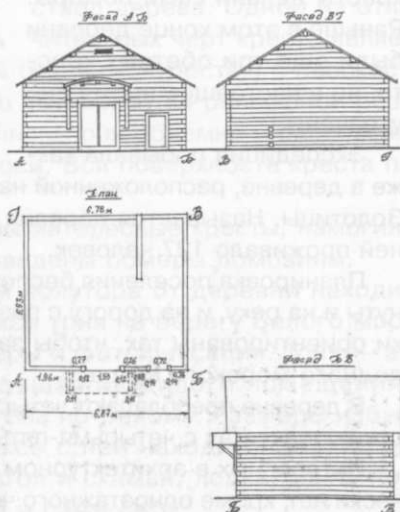
Дом богатого помора, д. Нижняя Золотица. Обмеряла и чертила архитектор Н.А. Подобина

спальни, столовая, зал, горенка, кладовая. Хозяйственный двор тоже имеет два этажа.

Жители деревень Верхняя и Нижняя Золотица (под общим названием Зимняя Золотица) вели торговлю с Норвегией. Продавали рыбу, морского зверя, а взамен покупали мануфактуру, сахар.

На левом берегу реки Золотицы около здания аэропорта и взлетно-посадочной полосы расположено действующее кладбище, размером примерно 100 x 75 метров, которое обнесено забором. Интересны кладбищенские ворота в ограждении с резными причелинами над входом.

На кладбище сохранилось несколько интересных деревянных крестов, типичных для Русского Севера. Поверхности крестов покрыты криптограммами. Лучший крест, выявленный экспедицией музея, сделан из ли-

Рыбный амбар у дома богатого помора, д. Нижняя Золотица. Обмеряла и чертила архитектор Н.А. Подобина

стенницы и имеет высоту 4,41 метра. В настоящее время он упал и лежит на земле. Были сделаны обмеры ряда других деревянных крестов.

В деревне на правом берегу реки сохранились два деревянных обетных креста. Оба они стоят на берегу в 30–40 метрах от реки. Один из них стоит обособленно и сильно покосился, утратив значительную часть высоты, а другой стоит около рыбного амбара у дома Сидора Шумилова и, в отличие от первого, хорошо сохранился. Он был поставлен на удачный промысел тюленя.

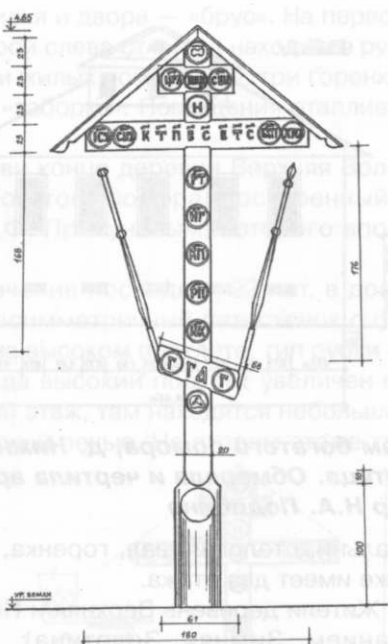
По информации жителей, кресты делали сами поморы. Раньше в этом конце деревни были еще три обетных креста, но в настоящее время они утрачены.

Экспедиция побывала также в деревне, расположенной на берегу Белого моря в устье реки Золотицы. Называется деревня Нижняя Золотица. В 1987 году в ней проживало 127 человек.

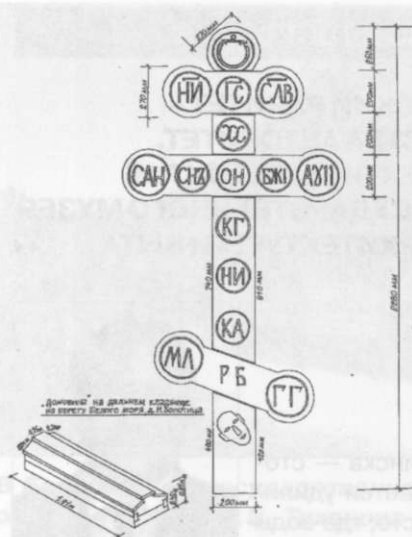
Планировка поселения беспорядочная, фасады домов развернуты и на реку, и на дорогу с разными углами разброса. Постройки ориентированы так, чтобы защитить жилую часть дома от холодного морского ветра.

В деревне преобладают четырех- и пятистенки на средних и высоких подклетах с четырьмя-пятью окнами по главному фасаду.

Интересных в архитектурном отношении жилых домов практически нет, кроме одноэтажного четырехстенка на высоком подклете, дома богатого помора, где до настоящего времени располагался детский сад. Рядом с домом находится рыбный амбар с полурочной кровлей над входом.

Деревянный обетный крест у дома Федора Латкина, д. Нижняя Золотица. Обмеряла и чертила архитектор Н.А. Подобина

Крест на дальнем кладбище на берегу Белого моря, д. Нижняя Золотица. Обмеряла и чертила архитектор Н.А. Подобина

На берегу реки сохранилась часть подпорной стенки, рядом большой промысловый амбар на стойках, удачно вписанный в рельеф берега. Из интересных деталей этого амбара можно отметить окна с расстекловкой на восемь и девять частей.

Прекрасный обетный крест сохранился в усадьбе Федора Латкина. Этот крест относится к концу XIX века. Он стоит в непосредственной близости от дома, с левого угла от главного фасада в створе со стеной. Высота креста 4,65 метра. Крест восьмиконечный, выполнен из четырехбитного бруса, в основании круглый ствол дерева. Одной из отличительных черт креста является

вынесение орудий страстей («копье», «трость») с плоскости стойки креста, где они обычно выполняются рельефной резьбой, за пределы стойки. Выполнены они объемно и расположены под углом к вертикальной оси. Вся поверхность креста покрыта криптограммами.

Экспедицией зафиксированы интересные кресты, надгробия, проведены обмеры домовины.

Примерно в километре или полутора от деревни находится самая ближняя рыболовецкая тоня на берегу Белого моря. По ней также проведены обмеры и фотофиксация. Тоня — это промысловая избушка, состоящая из жилого помещения с печью и сеней. Отапливается она по-белому. Размеры избушки 7,5 x 4,8 метра. В комплексе с ней находятся: навес для хранения дров, деревянные стол и скамьи, лодка, маяк, приспособление для сушки сетей и сами сети.

Завершилась экспедиция в деревне Верхняя Золотица 30 июля 2001 года. В этот же день самолетом мы прибыли в Архангельск.

У НАС В ГОСТЯХ

БЕЛОРУССКИЙ РАРИТЕТ — ГОСУДАРСТВА АВТОРИТЕТ, ИЛИ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ И БЫТА

*Георгий Андреевич Ткачевич,
директор Белорусского
государственного музея
народной архитектуры и быта*

В живописной окрестности Минска — столицы Республики Беларусь — имеется удивительный островок, уникальное место, где воды исторической реки Менки (отсюда и название первоначальное и близкое по происхождению — Менск) втекают в тихоплынную, в былом суходоходную Птичь. В этом уголке под открытым небом с 1984 года создается Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта. В уютном куточке среди низменностей и возвышенностей, тальвегов и болот, между деревень Строчица и Волчковичи, Озерцо и Городище, на берегу Волчковичского водохранилища, где проводятся всемирные водные соревнования, восстанавливаются уникальные памятники народного зодчества шести историко-этнографических регионов Беларуси. Эта местность около стародавнего городища на Менке (памятник XII столетия) является святыней истории и культуры. Это земля предков, здесь наши корни, здесь особенно остро ощущаешь связь времен.

Каждый человек должен помнить о предках — о дедах и прадедах, о родных местах их проживания и бытования, должен пронести через всю свою жизнь память о родном доме, дворе, усадьбе, деревне или городе, о болотце, лесочке, озерце, ручье, родничке, гнезде аиста и много еще о чем: о любимой игрушке, велосипеде, будильнике, о святом уголке бабушки и всех родных семьи, то есть о том, что называется светлой и святейшей малой родиной. Любой житель Земли не должен и не имеет права забыть об окружающем его в детстве пространстве природы, своего жилья и быта, чтобы отличить родное не только в любом уголке Беларуси, но и в

В Белорусском государственном музее народной архитектуры и быта. Фото В.В. Тихонова

мире. Поэтому музей под открытым небом — это одно из стремлений сохранить историческое наследие, народное зодчество, которому постоянно грозит уничтожение из-за непродуманной модернизации деревень, поселков и городов. О хуторах (к сожалению, их мало осталось) и разговора нет. Живут в них иногда переселенцы и поддерживают постройки по мере своих сил в надлежащем состоянии. Важно, чтобы сохранившиеся хутора не перестраивались, не изменялось их внешнее обличье. Эти места хуторской застройки должны оставаться как памятники истории и культуры Отечества.

В Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта, открытый для посетителей в 1987 году, к первому году третьего тысячелетия частично перевезены, отреставрированы, восстановлены памятники деревянного зодчества из трех регионов страны: Центральная Беларусь (Минщина), Поозерье (Витебщина), Поднепровье. Осталось перевезти из Восточного и Западного Полесья, Понеманья, устроить сектор «Местечко».

Идея перевозить памятники, реставрировать и проводить работы по их содержанию (сохранению) в надлежащем состоянии не была неожиданной для музея Беларуси. Такой опыт имелся в музеях России и бывших государств Союза и за рубежом. Наш скансен самый молодой в странах СНГ. Он создается из памятников-подлинников (аутентичных) и восстановленных (копии).

Цель перевозки памятников понятна — сохранить их. Но еще лучше оставлять памятники на первоначальном месте, а именно в

той среде, в том ландшафте, где они были построены. Вопрос об этом должен быть поставлен как можно быстрее. Конечно, в каждом случае нужно действовать в соответствии с исторической и географической ситуацией регионов. В этом плане концепция по сохранению памятников деревянного зодчества в городах Республики Беларусь и Российской Федерации едина. Это подтвердили участники Международной конференции «Традиции и обычаи народов Беларуси и России», которая состоялась 23–25 мая 2001 года в Минске. Участники конференции во время экскурсии по городу посетили и Белгосмузей-скансен. Они воочию убедились, что проблемы по формированию музейных скансенов и сохранению традиционной народной культуры одинаковы и в Беларуси, и в России.

Проблема сохранения памятников деревянного зодчества остро стоит как в России, так и в Беларуси. Памятники в регионах республики разрушаются, сносятся, а вследствие чернойбыльской катастрофы закапываются целые деревни.

Эта проблема связана также с подготовкой реставраторов и их квалификацией. До развала Союза их готовили в России. Химические препараты, необходимые для сохранения памятников, тоже выпускаются в России. Приобрести их сегодня по финансовым причинам чрезвычайно трудно. Решение этого вопроса возможно при заключении творческих и практических договоров музеев Беларуси и России.

В Белорусском государственном музее народной архитектуры и быта. Фото В.В. Тихонова

В Белорусском государственном музее народной архитектуры и быта. Фото В.В. Тихонова

Есть и такая проблема, как сохранение древесины в памятниках. Она очень актуальна и для реставрации аутентичных памятников (подлинников), так как во многих случаях начинает резко разрушаться древесина отреставрированных памятников деревянного зодчества и музейных предметов из коллекций «Дерево». Поэтому изучение опыта применения экологически безвредных и эффективных материалов и методик пропитки, консервации, обеспечения сохранности и противопожарной безопасности деревянных памятников является важнейшим направлением научных исследований ученых институтов и музеев двух стран.

Концепция создания Белгосмузея народной архитектуры и быта строится на органическом соединении (вписании) памятников истории в этнографические экспозиции в уникальную территорию (ландшафт), которая, в свою очередь, является природным памятником.

Музейщики пришли к выводу о необходимости создания на базе Белгосмузея народной архитектуры и быта Государственного ландшафтно-этнографического заповедника «Менка», что позволит в комплексе решить следующие проблемы:

- экологическую: сохранение, восстановление с благоустройством памятников природы;

- музеефикации исторических памятников: фольварка, корчмы, курганных могильников, исторических дорог, связь музея с

В Белорусском государственном музее народной архитектуры и быта. Фото В.В. Тихонова

экспозиционными площадями Городища на Менке;

— создаются экспозиции под открытым небом с перспективой развития секторов и скансена в целом, с ландшафтными резервами для показа природно-географических особенностей регионов Беларуси через генеральный план общего озеленения территории музея и охранных зон;

— связь музея с деревнями Озерцом, Волчковичами, Новым Двором, Городищем, с общественно-культурными объектами вокруг скансена и пригорода города Минска (зона отдыха «Птичь», туристический маршрут «Золотое кольцо Беларуси»).

Целесообразно определить заповедные зоны (деревня Строчица, фольварк, курганные могильники, Городище), экспозиционную зону (архитектурно-этнографические сектора) и социально-культурный центр с коммунальной зоной.

На сегодня музейный комплекс занимает территорию 151 гектар. Для посетителей открыто десять экспозиций, работающих круглогодично. Штат музея — 143 сотрудника. В течение года музей принимает 30 тысяч посетителей.

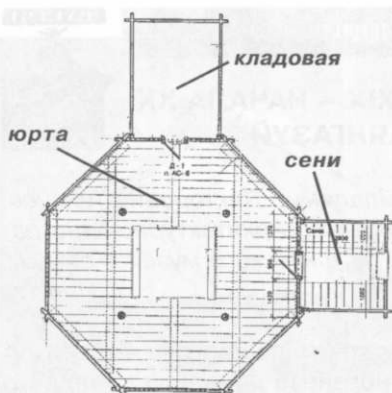
То, что сделано на территории Белорусского скансена, — рагитет Республики Беларусь. Это уникальный объект. Здесь есть что посмотреть и гостю, и соотечественнику. Нам приятно, что понравился музей и участникам Международной конференции. Мы, музейщики Беларуси и России, должны беречь национальное достояние народов, сохранять творческую дружбу навечно!

БУРЯТСКАЯ ЮРТА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА ИЗ УЛУСА БАЯНГАЗУЙ

*Владимир Викторович Тихонов,
директор Архитектурно-этногра-
фического музея «Тальцы»,
г. Иркутск*

Несмотря на то что до настоящего времени процесс этногенеза западных (предбайкальских) бурят в научной литературе недостаточно разработан, анализ археологического и исторического материала позволяет в общих чертах представить картину формирования этого наиболее многочисленного коренного народа Предбайкалья. В источниковедческой литературе первый, наиболее объемный материал о бурятах как о народности начинается с XVII века — периода прихода русских в Предбайкалье. Сам же процесс формирования бурятской народности происходил в более раннее время — в период интенсивной миграции народностей на просторах Предбайкалья в начале II тысячелетия, в основном обусловленной завоевательными походами Чингисхана. Войска Чингисхана, вторгшиеся в Предбайкалье в XII веке, вынудили палеоазиатские народности, населяющие эту территорию, частично мигрировать на север, вне досягаемости войск завоевателей, оставшихся ассимилироваться с ними. Результатом более чем вековой ассимиляции в пределах Предбайкалья монгольских племен и палеоазиатских племен тюркского происхождения стало образование бурятского этноса, вобравшего в себя уникальную древнюю культуру ассимилированных народов. В XVII веке, к моменту освоения русскими Предбайкалья, по образу ведения хозяйства буряты являлись скотоводами с ограниченным кочеванием, которое носило сезонный характер и сводилось к переезду бурят с летников на зимники. Зимники располагались на утгах — окультуренных лугах, дававших возможность бурятам в зимний, наиболее трудный период обеспечивать животных кормом. Промысел дикого зверя в лесистых районах и рыбы в реках и на озере Байкал носил вспомогательный характер. Из

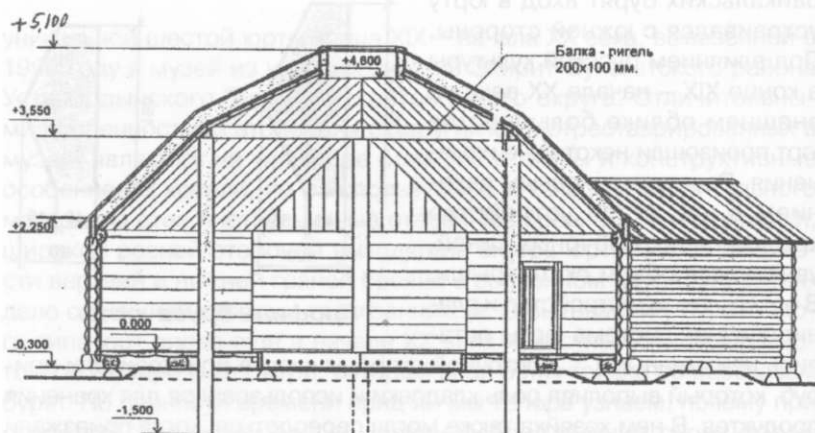
План пола юрты

домашних животных разводили в основном лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз, в небольшом количестве верблюдов. До прихода русских земледелием буряты практически не занимались. В XVII веке только в редких случаях отмечались посевы проса и гречихи. Более интенсивный процесс освоения земледелия у бурят происходит с конца XVIII – начала XIX века.

Сокращение у бурят пастбищных угодий в результате ос-

воения Предбайкалья русскими, а также роста бурятского населения в совокупности с переходом от скотоводства как основного типа ведения хозяйства к сочетанию скотоводства с земледелием в конце XIX века привело к переходу от полукочевого образа жизни к оседлому. В начале XX века примерно 15 процентов бурят стало постоянно жить в стационарных зимниках. Процесс «кочевания» у них свелся к переезду в летний период из зимнего жилища, построенного по типу русского дома, в юрту, входившую в состав усадьбы. Остальная же часть бурят в этот период времени все еще вела традиционный образ жизни. Улусы-зимники, где буряты жили зимой в период возвращения с летних пастбищ, строились вблизи водоемов, на сенокосных угодьях. Инфраструктура зимника состояла из одного или нескольких домов, построенных по русскому образцу, деревянной четырех- или восьмиугольной юрты, хозяйственных построек для содержания скота. Улусы-зимники имели гнездовую планировку. Такая же планировка была и у улусов-летников на пастбищных лугах. С появлением первой травы скот перегонялся на летние пастбища. Радиус перекочевков на улусы-летники обычно был невелик — от 2 до 10 км.

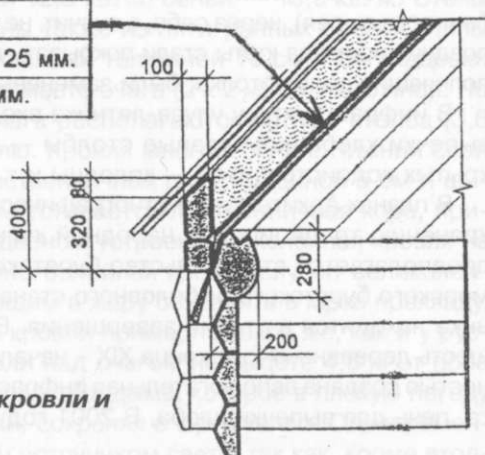
В улусах-летниках буряты для жилья строили только деревянные юрты, чаще всего восьмиугольные. Если о строительстве в улусах-зимниках домов однозначно можно сказать, что оно было заимствовано у русских с их приходом в Предбайкалье, то строительство деревянных юрт было традиционным для бурят и уходит корнями в глубь веков. Можно предположить, что их появление относится к периоду формирования бурят как народности. Деревянное юртостроение было характерно для тюркских народов. В экспедициях при опросе

Разрез юрты

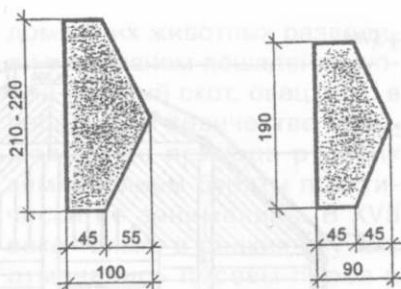
стариков, на вопрос, откуда пошел их род, часть опрошенных указывала, что предки их жили на Алтае (Батор Долбаевич Халзанов, с. Кутанка, Осинский р-н). Деревянные юрты были близки внешне и внутренне к войлочным юртам. Юрты строились в 12–14 рядов бревен, в основном из лиственницы. Сосна использовалась крайне редко. Бревна подгонялись друг к другу плотно, без утепляющей прокладки из мха. Для строительства стен бралось целое бревно или оно раскалывалось пополам. Очень редко использовали фигурные бревна. У пред-

Тес толщ. 25 мм (2 слоя)
Дерн толщ. 200 - 220 мм.
Листвен. кора толщ. 20- 25 мм.
Доски потолка толщ. 50 мм.

Разрез узла сочленения кровли и стены юрты

байкальских бурят вход в юрту устраивался с южной стороны. Под влиянием русской культуры в конце XIX – начале XX века во внешнем облике большинства юрт произошли некоторые изменения. Распространенным явлением в них стало устройство крыльца или тамбурных сеней, увеличился объем ската крыши. В остальном же устройство и планировочная система юрты остались неизменными. С восточной стороны к юрте пристраивали при-

Профиль бруса юрты

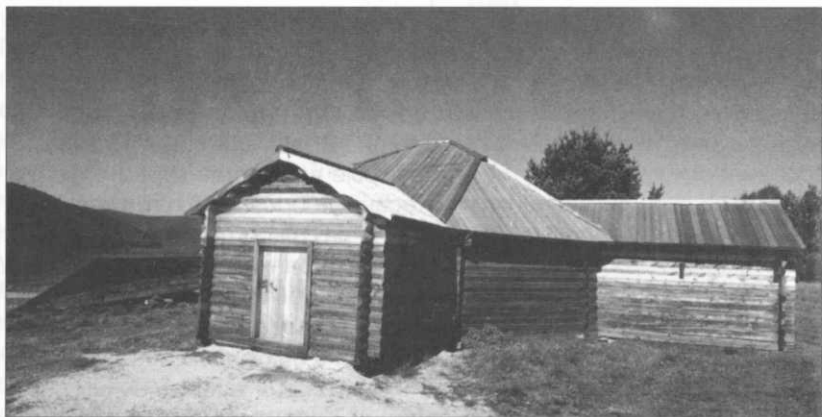
руб, который выполнял роль кладовки и использовался для хранения продуктов. В нем хозяйка также могла переодеться, когда приезжали гости. С западной стороны к юрте иногда пристраивали навесы для хранения инвентаря, проведения хозяйственных работ в период дождя и т. д. Рабочий диаметр юрты обычно был 6–10 м, редко больше. Первоначально пол юрты, конечно, был земляной. Ближе к XX веку в зависимости от состоятельности хозяина пол юрты мог быть земляным, наполовину дощатым (на мужской половине) или полностью дощатым (из полубревна или плах) за исключением места под очаг, размещавшегося в центре юрты. Традиционное покрытие юрты состояло из жердей, устилаемых лиственничной корой, поверх которой для ее придавливания укладывали дерн. Кора бралась только лиственничная, свежеснятая или предварительно вымоченная в воде. Лиственничная кора обладает уникальными технологическими свойствами, не пропускает корни трав дерна, ее покрывающего (в особенности пырея), через себя, а значит, не пропускает и влагу. В более поздние времена юрты стали покрывать драньем, тесом, жерди, выполнявшие роль потолка, были заменены лиственничными досками.

В инфраструктуру улуса-летника входили: поскотины, печи для выпечки хлеба, коновязные столбы — сэргэ, при отсутствии открытых водоисточников — колодцы и т. д.

В планах Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» по сохранению традиционной народной культуры бурят Предбайкалья предполагается строительство бурятского улуса-зимника и маломорского бурятского рыболовного стана. Строительство улуса-летника находится в стадии завершения. В музее отреставрированы шесть деревянных юрт конца XIX – начала XX века. Пока еще неполностью создана вспомогательная инфраструктура — поскотина, сэргэ, печь для выпечки хлеба. В 2001 году закончилась реставрация

уникальной шестой юрты конца XIX – начала XX века, вывезенной в 1990 году в музей из улуса Баянгазуй Эхирит-Булагатского района Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. Отличительными особенностями этой юрты от других юрт, отреставрированных в музее, являются не только ее большие объемы и конструктивные особенности кровли, но и используемые в качестве строительного материала стен лиственничные отесанные бревна — пятигранники, широкой ровной стороной выходящие внутрь юрты. Из-за скрытости верхней и нижней граней бревна в собранном срубе оно выглядело с внешней стороны трехгранником. О бытовании у бурят такого типа юрт писал еще в начале XX века известный этнограф Восточной Сибири Б.Э. Петри, который знал о них только по рассказам бурят. По давности времени вряд ли мы теперь узнаем, почему при строительстве этой юрты ее хозяин выбрал именно такую форму бревна. Одно из предположений может быть следующим. У бурят треугольник ассоциируется с плодородием. Тяжелые жизненные условия бурят в конце XIX – начале XX века вызывали значительную детскую смертность. Бурятский народ в тот период был глубоко религиозен. Для задабривания духов, с целью увеличения потомства, хозяин вполне мог вложить смысловое содержание в виде трехгранного бревна в создаваемое жилье. Однако при отсутствии достоверных информаторов это только гипотеза.

Баянгазуйевская юрта построена полностью из лиственницы. Ее диаметр составляет 9 м. Стена юрты сложена из бревен и опирается на лиственничные стулья. Бревна в сечении пятигранные, высотой 22 см и шириной 10 см, подогнаны идеально. Площадь юрты 60 кв. м. Площадь кладовки 12,5 кв. м, сеней — 10,5 кв. м. Стены сеней и кладовки выполнены также из пятигранных бревен. Полы юрты и сеней выстелены плахами толщиной 10 см. Пол кладовки земляной. В центре юрты на месте очага (2 x 2 м) пол земляной. По углам четырехугольного очага располагаются четыре столба (3,6 м), поддерживающие кровлю. Кровля многослойная. Нижний слой — потолок из струганых лиственничных плах толщиной 5 см и шириной 25–30 см. По плахам устилается лиственничная кора, придавливаемая дерном. Над дерном устроена двухслойная кровля из галтельной доски. Столь многослойная кровля служит великолепным изолятором, позволяющим в жару сохранять в юрте прохладу, а в холод тепло. Угол ската кровли примерно такой же, как и у русских домов. В центре кровли над очагом на высоте 4,6 м от пола есть отверстие (1 x 1 м) для выхода дыма, которое в плохую погоду может закрываться шкурами, сохраняя в юрте тепло. Одновременно это отверстие является и источником света, так как, кроме вход-

Баянгазуевская юрта в музее «Тальцы» после реставрации

ной двери, иные технологические отверстия для света отсутствуют. Объемы юрты, ее конструктивные особенности (пятигранные бревна, многослойная кровля, деревянный пол и т. д.) могут свидетельствовать только об одном — о состоятельности ее хозяина и о возможном привлечении к ее строительству наемных рабочих-профессионалов. Продолжительная реставрация юрты обуславливалась как финансовыми сложностями, так и требованиями к качеству реставрационных работ. Замена части материала оригинала в конструкции юрты на новодел потребовала выполнения новодельных элементов с требуемой подгонкой к материалу оригинала. В связи с этим реставраторы сени юрты разбирали и собирали четыре раза, а кладовки — три раза. Только после этого уровень реставрации стал приемлемым. Автором проекта реставрации является иркутский архитектор А.П. Бельский.

Завершение реставрации в музее «Тальцы» баянгазуевской юрты, наряду с уже существующими в музее юртами, позволяет расширить экспозиционные возможности по освещению традиционной народной культуры бурят Предбайкалья. В этой юрте предполагается в летний сезон 2002 года на постоянной основе оборудовать выставочный зал для показа в нем материальной и духовной культуры бурят. Выставочный зал, а не экспозицию, потому что в других пяти юртах размещены или будут размещены экспозиции. Объемы юрты для выставочного зала достаточны. Дело за малым: разместить витрины, провести электричество, оборудовать охранно-пожарную сигнализацию, наконец, построить выставку. И можно принимать посетителей!

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ С РЕГИОНАЛЬНЫМИ МУЗЕЯМИ: ОПЫТ РАБОТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Нина Михайловна Романова,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Российского Этнографического
музея, г. Санкт-Петербург*

Российский Этнографический музей (РЭМ) — один из старейших и крупнейших музеев России, которому в январе 2002 г. исполнилось 100 лет. С первых дней своего существования РЭМ фактически выполнял функции главного консультационного центра для центральных и региональных музеев в области музейных этнографических исследований. В 1978 г. музей получил официальный статус научно-методического центра этнографического музееведения. В 1979 г. был создан научно-методический отдел, главными задачами которого являлись изучение и обобщение опыта РЭМ и региональных этнографических музеев, обмен опытом музейной работы. Основными формами работы были стажировки, научно-практические конференции, семинары, разработка методических материалов.

Отдел изучал деятельность этнографических музеев путем анкетирования, анализа поступающих в РЭМ ежегодных планов и отчетов, командировок в курируемые музеи и участия в научно-практических семинарах и конференциях, в том числе и на базе РЭМ. В результате этой работы к середине 1980-х гг. выявился круг наиболее актуальных проблем, которые нашли отражение в организации коллективных стажировок по повышению квалификации сотрудников региональных музеев, а также в издании большого числа методических рекомендаций.

В начале 1990-х гг. отдел был переименован в отдел этнографического музееведения. Структурные реорганизации РЭМ как музея союзного подчинения совпали с общественно-политическими и экономическими изменениями в стране, с распадом Советского Союза, что в целом негативно сказалось и на уровне и каче-

стве научно-методической работы. Акценты методической работы сместились в область теоретических изысканий, оторванных от практических нужд музеев, отсутствовали и кадры методистов-практиков музейного дела. Полностью прекратилось издание методических материалов; коллективные стажировки почти не проводились; база данных в Интернете «Деятельность этнографических музеев России» за три года была заполнена непрофессионально и формализованными данными лишь по 22 произвольно выбранным музеям. В совокупности все это привело к фактической утрате статуса РЭМ как научно-методического центра страны в области этнографического музееведения. Образовавшуюся лакуну заполнили другие методические центры, в частности Государственный Исторический музей (ГИМ) (Москва).

Разрушение связей с центральными музеями, самостоятельность региональных музеев всех уровней привели, с одной стороны, к их самоизоляции, а с другой — к развитию тенденции межмузейного общения. Во многих регионах были созданы свои научно-методические центры (например Сибири и Дальнего Востока), открылись филиалы ГИМ (Центральный, Сибирский, Южный), которые напрямую стали работать с местными музеями, выполняя роль посредников по связям с центром и оказывая им методическую помощь по всем аспектам, в том числе и в работе с этнографическими материалами. К концу 1990-х гг. распоряжениями управлений культуры администраций многих краев и областей России на ведущие региональные музеи были возложены обязанности научно-методических центров. Таким образом, на смену существовавшей ранее строгой вертикали структуры управления музейного взаимодействия пришли различные музейные образования, статус и компетенция которых не до конца определены и до настоящего времени и которые предпочитают пока координировать свои планы с Москвой. Региональные музеи продолжают поддерживать отношения с РЭМ в силу традиций, признания уникальности фондов и высокого уровня профессионализма его сотрудников.

В результате сложившейся ситуации дирекцией РЭМ в октябре 1999 г. было принято решение об организационном усилении отдела этнографического музееведения, ему вернули прежнее название научно-методического отдела, было заменено руководство и разработана новая концепция деятельности. Задачи научно-методической службы были расширены и максимально приближены в первую очередь к запросам региональных музеев, имеющих этнографические коллекции, а также других учреждений культуры,

образования, государственных и негосударственных организаций, занимающихся вопросами сохранения и развития культурного наследия народов. Работа с этнографическими и историко-краеведческими музеями была признана приоритетной. Это отвечает задачам федеральной целевой программы «Культура России (2001–2005 гг.)», особенно в части конкретных подпрограмм «Развитие культуры и сохранение культурного наследия России», «Комплексные целевые проекты», «Культурные основы федерализма, региональной и национальной политики».

В соответствии с новой концепцией развития музея до 2010 г. РЭМ должен на организационно-методическом уровне «объединить вокруг себя все этнографические, краеведческие музеи и музеи-заповедники, в которых сосредоточен основной массив этнографических памятников народов России. В этом контексте музей должен стать центром по разработке, апробированию и распространению модельных форм и методов создания современных этнографических экспозиций в музеях разного профиля; реставрации памятников; их музейному описанию и каталогизации; построения на основе этнографических коллекций комплексных просветительских и образовательных программ. Музей призван выполнять функции открытого консультационного центра по вопросам исторического развития и сохранения в современных условиях этнических традиций различных народов и групп, развития и бытования этнических форм культурной деятельности».

Эта миссия, заявленная в концепции развития РЭМ, имеет научно-методическую базу для реализации, призванную превратить музей в центр музейной этнографии.

Одной из важнейших задач в этом направлении должна быть координация деятельности музеев в области этнографического музееведения, для реализации которой необходимо не только формирование информационного пространства с применением современных технологий, но и решение целого ряда административных вопросов органами культуры разного уровня. Отношения РЭМ с региональными музеями, на наш взгляд, обладают двойственным характером: с одной стороны, они должны отражать равноправное партнерство, а с другой — отношение РЭМ как головного научно-методического центра к периферийным учреждениям. Характер данных отношений может быть определен при условии создания комплексной программы сотрудничества с региональными музеями. Составление такой программы требует наличия информированности сторон о перспективах работы, согласованности планов и их финансового обеспечения. В настоящее время работа

над программой осложнена нерешенностью важных для ее реализации организационных вопросов. Возникает опасение, что комплексная программа сотрудничества РЭМ с региональными музеями, спущенная в административном порядке сверху без согласования с местными музеями, может быть на местах не принята даже при условии ее целевого финансирования.

На наш взгляд, формирование информационного поля музейной работы возможно лишь при условии создания единого общественного консультативно-методического (консалтингового) центра, который объединил бы возможности центральных и региональных научно-методических центров в области музейной этнографии. Организация такой консалтинговой службы позволила бы более эффективно решать вопросы музейного дела в разных аспектах, исключить параллелизм в деятельности методических центров.

В настоящее время согласно концепции развития РЭМ как центра музейной этнографии в научно-методической деятельности выделено три направления, которые соответствуют целям и задачам работы с региональными музеями:

«1. Обследование музеев России для получения целостной картины их деятельности в области этнографии.

2. Обмен профессиональным опытом музейных специалистов по проблемам комплектования, хранения, экспонирования и реставрации этнографических памятников.

3. Повышение квалификации работников музеев, специализирующихся на обработке и экспонировании этнографических памятников».

Данные направления охватывают традиционные виды музейной работы. Отсутствие в концепции некоторых важнейших аспектов современного музееведения является определенным препятствием как для развития собственно РЭМ в качестве научно-методического центра с теоретическими и научно-практическими программами развития этнографического музееведения, так и для взаимодействия с региональными музеями. Например, это проблемы научно-просветительской работы, музейной этнографии в контексте современных социокультурных процессов в регионах, межмузейной интеграции, подготовки музейных кадров, музееведческих исследований по актуальным вопросам организационно-экономического механизма развития отечественных музеев и др. Соответственно для заполнения этих лакун может быть привлечен потенциал других музеев России, других методических центров.

Первое направление предполагает получение информации о потребностях музеев, содержании их этнографического собра-

ния, об определении уровня подготовки сотрудников на основе анкетирования музеев, изучения деятельности на местах и т. д.

Процессы межмузейной интеграции способствуют обмену профессиональным опытом специалистов центральных и региональных музеев, вовлеченных «в работу по комплектованию, хранению, экспонированию и реставрации этнографических памятников», что отмечено в концепции как второе направление методической работы. Этот аспект деятельности предполагает комплексное методическое обеспечение таких видов совместных работ, как экспозиционная, выставочная, исследовательская, полевая, проведение научно-практических конференций, семинаров и «круглых столов».

Третье направление научно-методической деятельности нацелено на повышение этнографической квалификации сотрудников музеев. Решение задач в этом направлении предполагает подготовку кадров, в том числе и путем участия в индивидуальных и коллективных стажировках на базе РЭМ и других музеев Петербурга. Перспективным и востребованным является повышение квалификации работников подразделений музеев, которые занимаются вопросами существования музея в современных условиях рыночных отношений. От уровня квалификации этих специалистов во многом зависит успешность работы музеев в целом и по отдельным аспектам (например, музейно-образовательная и просветительская деятельность, музейный маркетинг, издательское дело, менеджмент, консалтинг, связь с общественностью и др.).

Уже в настоящее время реальным является создание модельной формы универсальной программы взаимодействия центральных и местных музеев в части консультационно-методического обеспечения всех видов работ региональных музеев. Такие консалтинговые услуги могут оказывать сотрудники РЭМ и других музеев Петербурга в рамках существующего межмузейного сотрудничества. В целом такой вид партнерских отношений будет способствовать координации музейной работы в области музейной этнографии. Кроме того, он позволяет исключить возможность использования негосударственных консалтинговых фирм, сотрудники которых не имеют практического опыта музейной работы.

Комплексная программа оказания консультационных услуг региональным музеям может быть осуществлена по следующим аспектам:

— разработка теоретических и практических вопросов музейной этнографии, необходимой для совершенствования деятельности музеев. Результаты исследований могут быть оформлены в виде публикаций (сборники трудов, методические рекомендации, бюллетени и др.);

— оказание комплексной и узкоспециальной консультативно-методической помощи сотрудникам региональных музеев по всем видам музейной работы;

— оказание помощи в составлении всех видов музейной документации (концепций, текущих и перспективных планов, инструкций и др.);

— рецензирование научных работ: научных трудов по музееведению, концепций, тематико-экспозиционных планов экспозиций, выставок и другой музейной документации;

— оказание помощи в разработке и внедрении коллективных и авторских музейно-образовательных программ;

— организация стажировок на базе РЭМ и других музеев Петербурга и России по различным аспектам деятельности музеев, обладающих этнографическими коллекциями;

— оказание консультационных услуг по проблемам музейного маркетинга, включающего вопросы информационного обеспечения и организационно-экономического механизма музейной деятельности, апробации инновационных форм и методик работы и т. п.;

— помощь в организации музейной экспертизы;

— разработка и внедрение совместных программ в области музейной этнографии (организация выставок, экспедиций, семинаров, «круглых столов», лабораторий этнографического музееведения, выездных лекций, методических занятий, мастер-классов и др.);

— организация научно-методической помощи региональным учреждениям культуры, учебным заведениям разного уровня, музеям (государственным и негосударственным), местным реставрационным мастерским в деле разработки научной документации и оказание помощи по реставрации и консервации памятников культуры, находящихся в закрытом и открытом хранении (музеи-заповедники);

— подготовка консалтинговых проектов в форме рекомендаций, пособий, аналитических справок и т. д. по проблемам музейной этнографии;

— обобщение опыта работы профильных музеев по всем (или отдельным) аспектам работы в информационных письмах;

— оказание научно-методической помощи в разработке модели взаимодействия региональных музеев с негосударственными музеями, культурно-просветительскими и образовательными учреждениями;

— разработка методических основ использования потенциала региональных музеев в коммуникационных процессах с национально-культурными общественными объединениями многонационального населения краев и областей.

В заключение хочется подчеркнуть, что реализация комплексной программы по научно-методической работе с региональными музеями, по нашему мнению, требует решения целого ряда научно-организационных вопросов административными структурами разного уровня, которые руководят музейной деятельностью:

- формирование нормативно-законодательной базы, узаконивающий статус РЭМ как головного музея и научно-методического центра в области музейной этнографии для региональных музеев;

- установление контактов на договорной основе с центральными и региональными научно-методическими центрами, используя которые можно более эффективно организовывать работу с региональными музеями;

- создание соответствующей структуры, объединяющей методические центры России по этнографическому принципу при руководящей и координирующей роли РЭМ;

- организация консультативно-методической деятельности музея на основе нового Положения (в русле утвержденной концепции РЭМ); укрепление и расширение кадрового состава методического отдела и др.;

- создание Научно-методического совета при дирекции как совещательного координационного органа, структура которого будет соответствовать основным направлениям музейной работы (научно-просветительская, реставрационная и др.). Впоследствии аналогичный совет может быть сформирован при Едином консультационно-методическом центре, созданном на базе РЭМ, но с участием специалистов региональных методических центров и музеев.

Таким образом, главной задачей научно-методической деятельности в современных условиях является разработка и внедрение таких методов работы на базе этнографических коллекций, которые бы позволили развивать научно-практические и социально-культурные функции Музея, необходимые российскому обществу, этнографической науке и музееведению.

Основные усилия методической работы с региональными музеями направлены на аккумулирование, анализ и распространение новейших достижений музейного дела, создание информационного пространства и осуществление координационных процессов между музеями, обладающими этнографическими коллекциями и являющимися важнейшими элементами социокультурной сферы. Формы и методы организации этой работы могут варьироваться в зависимости от ситуации и потребностей центральных и региональных музеев страны.

ОСКОЛКИ АРХИТЕКТУРНОГО КОНТИНЕНТА *

КРИЗИС ИЛИ КАТАСТРОФА?

Вячеслав Петрович Орфинский,
академик, профессор, директор
филиала Московского НИИ
архитектуры и градостроительства,
г. Петрозаводск

Общеизвестно, что деревянное зодчество — самобытная часть отечественного архитектурного наследия. Менее известно, точнее, меньше говорят о другом — этот сказочно богатый пласт строительной и художественной культуры народа находится на грани полного уничтожения. «Уже не существует более 80 процентов храмов, зафиксированных до 1930-х гг., — констатировал на симпозиуме «Проблемы исследования и спасения уникальных памятников деревянного зодчества России»¹ председатель оргкомитета М. Мильчик. — Гибель памятников деревянного зодчества приобрела лавинообразный характер. В течение 10–15 лет в сельской местности они исчезнут полностью, возможно, лишь за исключением нескольких церквей и часовен, находящихся ныне в удовлетворительном состоянии...». Далее, подчеркнув, что «этот процесс — еще не осознанная обществом катастрофа, причем не только для отечественной, но и для мировой культуры» и что спасти положение может только принятие ряда экстраординарных мер, ученый резюмировал: «Мы — последнее поколение, которое еще может выполнить эту поистине историческую задачу».

Вот почему научно-практическое совещание получило статус международного и проводилось при поддержке института «Открытое общество» (фонд Д. Сороса). При этом оно фактически превратилось в симпозиум-экспедицию, что позволило специалистам познакомиться в натуре с состоянием не только уникальных ансамблей погостов в Нёноксе и Кижях, но и с рядом объектов, перевезенных в музей под открытым небом «Малые Коре-

* Печатается по тексту, опубликованному журналом «Север» (1999. — № 11. — С. 89–96).

лы» под Архангельском и в Кижский музей-заповедник, а также с храмами XV–XVIII вв., реставрированными (отремонтированными) на месте своего возведения в селах Лявля, Заостровье (Архангельская обл.), Доможирово, Важины, Согиницы, Юковичи, Гимрека, Щелейки (Ленинградская обл.) и в городе Кондопога (Карелия).

Увиденное ошеломило многих участвующих в симпозиуме специалистов из Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Архангельска, Новгорода, Перми, а также из Норвегии, Швеции, Финляндии и США, впервые осознавших со всей трагической очевидностью не только чудовищные масштабы деградации культурного наследия России, но и породившие эту деградацию причины — почти полное отсутствие финансирования ремонтно-реставрационных работ, распад системы государственного контроля за охраной памятников, а также недорешенность ряда ключевых научно-методических, организационно-технических и юридических вопросов.

Важно отметить, что если первая причина порождена преимущественно затяжным социально-экономическим кризисом, охватившим нашу страну, то две других, кроме того, — нравственной эрозией общества, сделавшей поиск денег приоритетнее поиска истины не только для тех, у кого денег нет, но и для тех, у кого они имеются в избытке. Меркантильность приоритетов общественного сознания своеобразно отразилась в культурно-охранительной сфере, находящейся на обочине жизненных путей большинства населения страны...

Здесь уместно привести конкретные примеры. В прошлом году у меня состоялся любопытный разговор в деревне Селецкий Погост. Собеседник-карел отчаянно ругал всех русских, пытавшихся, по его словам, превратить населенное карелами Сегозерье в резервацию. Поводом для такого заявления послужило регламентирование застройки в исторических поселениях, призванное сохранить их традиционный облик и неизбежно ограничивающее индивидуальные желания селян. Почему меры для сохранения культурного наследия, признанные во всем мире, так возмутили жителей Селецкого Погоста? Оказалось, что он стал жертвой бесконечных проволочек с отводом участка для строительства дома со стороны администрации Паданского территориального управления, ссылавшейся на якобы имевшее место крючкотворство госцентра

по охране памятников истории и культуры при Министерстве культуры Республики Карелия.

Не без труда мне удалось переубедить собеседника, доказав ему, что сохранение традиционного облика родной деревни — дань уважения своим предкам, не говоря уже о туристической привлекательности такого поселения, и, как следствие, возможности создать в перспективе новые рабочие места вкупе с другими вполне реальными благами для односельчан. Впрочем, решающим аргументом стали не слова, а указанный мною в качестве эталона стоящий поблизости традиционный дом, позволяющий практически при тех же затратах удовлетворить бытовые потребности жильцов без ущерба для гармонии деревенской застройки.

В дальнейшем разговор протекал значительно проще. Вместе со мной в Сельгах оказались представители госцентра по охране памятников, и осуществление необходимых согласований не заняло много времени.

Почему вместо объективной информации об условиях нового строительства в исторических поселениях Паданская администрация так усложнила вопрос, создав у местного жителя ощущение почти непреодолимых препятствий? Неужели из-за особого культуuroохранительного рвения? Отнюдь нет: в иных ситуациях она была куда более сговорчивой. Например, глава администрации Н. Ванюшкин вопреки действующему законодательству разрешил приезжему человеку — егерю В. Мойсюку без каких бы то ни было согласований возвести новый дом в исторической деревне Юккогубе для влиятельного сотрудника Госдумы и известной киноактрисы. Новое сооружение явно диссонирует с гармоничной застройкой одного из красивейших поселений Российского Севера, отличаясь от соседних строений масштабной и силуэтной трактовкой объема, нарочитым отступом от красной линии застройки — и демонстративным поворотом к улице озадком сеней. (Дабы, по словам егеря, прохожие не могли увидеть в окна подробности жизни высокопоставленной семьи.)

Нечто подобное произошло и в Олонецком районе Карелии, где на редкость хорошо сохранившаяся, удивительно живописная деревушка Пертисельга своим традиционным обликом радует сердца проезжающих мимо людей. Точнее, радовала до тех пор,

пока ее морально не убили вплотную подступившие к деревенской околице остросилуэтные дачные коттеджи, отразившие вкусы падших на модные изыски зажиточных горожан.

Аналогичные примеры можно приводить без конца — вторжения дачного строительства и других нетрадиционных объектов в охранные зоны и зоны регулирования застройки исторических поселений и памятников архитектуры давно перестали быть исключением. Основные виновники этого — представители местной администрации. Но случается, что в роли нарушителей закона выступают лица и более высокого ранга. Пример тому — поступок бывшего министра культуры Карелии О. Белонучкина, который вопреки протестам общественности настоял на строительстве вспомогательного корпуса музыкально-драматического театра в заповедной зоне исторического центра Петрозаводска, на месте первого городского храма — деревянного Петропавловского собора, построенного основателем города Петром I в 1703 г. Тем самым была исключена любая возможность в перспективе увековечить историческую территорию.

Что побудило чиновника, призванного хранить культурное наследие народа, столь откровенно пренебречь своим служебным долгом фактически в канун приближающегося трехсотлетнего юбилея исторического города? Скорее всего, сказались пристрастия бывшего актера, и столица Карелии стала жертвой банального лоббирования, в нравственном отношении явно не безупречного и при определенных обстоятельствах способного плавно перерастать в коррумпированность. Разумеется, я далек от мысли заподозрить экс-министра в столь серьезном криминале, но во многих других случаях связь лоббирования с коррупцией априорно отрицать нельзя.

Впрочем, не будем вторгаться в тонкости юриспруденции, ограничившись преимущественно этической оценкой действий властных структур, наносящих ущерб культурному наследию, а зачастую и не только ему. Показательны в этом отношении злоключения всемирно известного Успенского собора в Кемь, нередко называемого «жемчужиной Беломорского Поморья», который волею гидроэнергетиков оказался в створе проектируемой плотины Морской ГЭС.

Надо сказать, что Кемь в табели о рангах занимает одно из первых мест среди всех малых исторических городов Крайнего

Севера России и приравненных к нему территорий. Это обстоятельство наряду с высоким охранным статусом самого Успенского собора — памятника архитектуры республиканского значения — удваивает «юридическую степень защиты» древнего храма, делая его в правовом отношении неприкосновенным. Если, конечно, законы нашей страны распространяются на всех ее граждан, не исключая естественных монополистов. Последняя оговорка не случайна. Подтверждением тому — эпистолярная эпопея по поводу Морской ГЭС. Ее началом послужило письмо директора Кемского гидроэнергетического каскада В. Геллиса от 12. 07. 96 г. (№ 001–698) в адрес тогдашнего председателя правительства республики В. Степанова с жалобой на Министерство культуры Карелии, которое, вопреки решению Кемской администрации (читай: дирекции каскада Кемских ГЭС. — В. О.), «оформило согласование проекта охранных зон исторической части г. Кеми в Министерстве культуры РФ», несмотря на то, что «проект вносит существенные ограничения в развитие города и исключает строительство Морской ГЭС в черте города». И вот почти ультимативное требование (напомню, в адрес председателя правительства РК!): «...Проект охранных зон **должен быть до утверждения правительством откорректирован и повторно согласован в Министерстве культуры РФ**» (выделено мною. — В. О.).

Ответ заместителя министра культуры РК Н.И. Вавиловой (от 5. 08. 96 г. за № 1–03/77): «...Проект зон охраны памятников истории и культуры г. Кеми, имеющего статус исторического города Российской Федерации, разработан в соответствии с действующим законодательством об охране и использовании памятников истории и культуры Российской Федерации.

Проект прошел экспертизу в органах охраны памятников Российской Федерации, где отмечено высокое качество проектных материалов. Министерством культуры РФ проект согласован и рекомендован к утверждению в установленном порядке. Проект рассмотрен и согласован также администрацией г. Кеми и Госстроем РК».

Любопытен последующий обмен письмами между министерствами экономики и культуры. Зам. министра экономики РК И. Шурупова (от 09. 08. 96 г. за № 04–14–270): «...Мин. экономики РК заинтересовано в строительстве Морской ГЭС на р. Кемь... Про-

сим вас еще раз рассмотреть проект охранных зон г. Кеми с учетом возможности строительства Морской ГЭС... (т. е. переписать историю города для того, чтобы построить объект, существующий пока только на бумаге. — В. О.).

Министр культуры РК Т. Калашник (от 2.12.96 г. за № 01–04): «Министерство культуры Республики Карелия еще раз внимательно проанализировало ситуацию, возникшую в связи с планируемым строительством Морской ГЭС в г. Кеми, и сообщает...» Далее следует изложение фактов и резюме: «...Министерство культуры РК не видит возможности строительства Морской ГЭС в Кеми в предложенном энергетиками варианте».

Финал переписки — эпистолярный шедевр за подписью министра экономики РК Е. Сенюшкина (от 11. 03. 97 г. за № 03–02/111): «Министерство экономики **совместно с Министерством культуры Республики Карелия** просит вас (заместителя председателя правительства РК С. Яскунова. — В. О.) провести совещание в первой декаде апреля по вопросам, связанным с созданием зон охраны памятников истории и культуры г. Кемь... **К этому времени Научно-производственным центром по охране памятников Министерства культуры Республики Карелия будет подготовлен откорректированный проект зон охраны памятников истории и культуры г. Кеми с учетом всех замечаний, связанных со строительством Морской ГЭС**» (выделено мною. — В. О.).

Остается добавить, что в подготовке цитируемого письма Министерство культуры РК не участвовало, а НПЦ по охране памятников (ныне Государственный центр) даже не намеревался корректировать проект зон охраны, поскольку строительство Морской ГЭС в Кеми, по его мнению, с учетом действующих в России законов недопустимо (письмо НПЦ от 27. 03. 97 г. за № 3–1). Более того, к первой декаде апреля чисто теоретически такую корректировку невозможно было бы осуществить, если говорить не о формальной отписке по принципу «чего изволите-с». На мой взгляд, откровенная фальсификация фактов со стороны столь высокопоставленного чиновника может быть объяснена только желанием любой ценой выполнить просьбу, точнее, требование гидростроителей-монополистов, при полном отсутствии законных оснований для этого.

Кстати, проект охранных зон был утвержден 24. 12. 1998 г.,

только после смены правительства Карелии, а разработанный с его учетом генплан г. Кеми не утвержден до сих пор. Следовательно, в жертву ведомственным интересам и чиновничьим амбициям были принесены перспективы развития поморского города. Оправдывая парадоксальность ситуации, сложившейся по вине прежнего правительства РК, зампред этого правительства С. Яскунов в 1997 г. утверждал, что недостаток ассигнований на строительство делает утверждение генплана (напомню, полностью готового. — В. О.) неактуальным. Но для любого здравомыслящего человека очевидно: чем меньше средств, тем точнее они должны расходоваться, и потому в условиях бюджетного дефицита крайне желательно наличие разумной стратегии развития города. А раз так, то сентенция Сергея Михайловича свидетельствует о его некомпетентности или беспринципности. Третьего объяснения не дано!

Выше разговор шел о «моральном убийстве» памятника архитектуры и его исторически сложившегося окружения. Но кемские гидроэнергетики при попустительстве карельского правительства, возглавляемого все тем же В. Степановым, вознамерились физически уничтожить даже не отдельный памятник, а целое поселение, по самым строгим отечественным и международным стандартам достойное статуса «историческое». Речь идет о деревне Панозеро, обреченной на затопление в связи со строительством Белопорожской ГЭС на реке Кемь. Это — единственное в районе сохранившееся собственно карельское поселение, последний осколок исторически сложившейся системы расселения. Подтверждением ценности деревни служит ее двукратное включение (на 1996–1997 и 1998–1999 гг.) Международным фондом «World Monuments Watch» (Нью-Йорк, США) в список 100 памятников мировой культуры, находящихся под угрозой уничтожения, — случай применительно к сельским поселениям беспрецедентный. Кроме того, поскольку Панозеро — последний сохранившийся в Кемском районе очаг карельской культуры, уничтожение деревни фактически равнозначно культурному геноциду, о чем неоднократно писала отечественная и финляндская пресса.

Но и это не все. С предполагаемым затоплением деревни связаны и другие несообразности. Так, Панозеро находится в зоне экономического воздействия «Архангельского коридора» (авто-

страды Оулу — Карелия — Архангельск — Коми), проект которого должен разрабатываться по совместному решению представителей Финляндии, Архангельской области, Республики Карелия и Мурманской области, а также Октябрьской и Северной железных дорог. После реализации проекта появятся условия для активизации туризма в Карелии благодаря улучшению обслуживающей инфраструктуры — строительству за счет западных партнеров многозвездочного отеля в Кемии и причала в Рабочеостровске для теплоходов, следующих на Соловки. А раз так, то, потворствуя затоплению Панозера — одного из привлекательнейших для туристов объектов, правительство Карелии тем самым подрубало сук, на который собиралось водрузиться.

Гибель деревни отсрочили осложнения с финансированием строительства Белопорожской ГЭС. И тогда В. Степанов в очередной раз протянул руку помощи гидроэнергетикам, заключив или, во всяком случае, попытавшись заключить тройственное соглашение о раздельном финансировании строительства гидроэлектростанции между карельским правительством, «Карелэнерго» и РАО «ЕЭС России». Похвально, что он не бросил многолетних партнеров в беде. Жаль только, что сделано это было за счет и без того обнищавшей республики, на которую ложилось дополнительное бремя явно непосильных расходов — финансирование устройства водохранилища и социальные выплаты. Последние, судя по предыдущим станциям Кемского каскада, всегда составляли львиную долю не выполненных гидростроителями обязательств перед населением. Что же касается водохранилища, то это — тяжелейший крест, о чем «великодушный» председатель правительства, возможно, не догадывался.

В самом деле, глубокая заторфованность территории требует специальных инженерных мероприятий, способных предотвратить всплывание почвы, — полной выторфовки или пригрузки минеральным грунтом. В целях экономии средств на совещании 16. 01. 1997 г. у С. Яскунова было решено исключить из сметы мероприятия по экологической безопасности (составляющие примерно 50 процентов общей стоимости станции) — сводку и очистку леса на затопляемой территории (всего предполагалось оставить под водой около 675 тысяч кубометров товарной древесины) и закрепление всплывающих торфяных полей. Но, как резонно заметил председатель экспертной комиссии Минэко-

логии РК профессор Л. Рыжков, «из плавающих торфяников будут интенсивно вымываться гумусовые кислоты и другие токси-каты», и потому «для обеспечения населения (по всему нижнему течению реки Кемь. — В. О.) качественной питьевой водой придется местным властям строить очистные сооружения» («Северный курьер» от 11. 03. 98 г.).

Перераспределяя между собой расходы, авторы тройствен-ного соглашения не учли, что в смету Белопорожской ГЭС не были включены компенсационные выплаты за ущерб, причиненный исто-рико-культурному наследию, оцененный госцентром по охране и использованию памятников в 49 миллионов рублей в ценах до сентября 1998 г., а также средства на нейтрализацию негативных последствий весьма вероятного подтопления села Юшкозеро. Ду-мается, что это отнюдь не случайная забывчивость: большинство советских и постсоветских чиновников разных степеней и рангов априорно убеждено, что культура и все связанное с ней должны финансироваться только по остаточному принципу. Пример тому — включенная в бюджет РК отдельной строкой федеральная целе-вая программа «Наследие», которая была выполнена в 1996–1997 гг. соответственно на 4 процента и 41 процент (в 1998 и 1999 гг. эта программа вообще не финансировалась).

Но вернемся к проекту строительства Белопорожской ГЭС. Ско-рее всего, и гидроэнергетики, и покровительствующий им В. Сте-панов далеко не были убеждены в его безупречности. В против-ном случае они не возражали бы столь категорично против требо-ваний общественности о проведении независимой комплексной экспертизы проектных решений, начиная с самой концепции со-здания каскада Кемских ГЭС.

Напомню историю вопроса. Рожденная в 1961 г. концепция Кемского гидроэнергетического узла — современница «проекта века» — переброски части стока северных рек на юг, — и уже одно это должно было настораживать, тем более что за 38 минувших лет концепция не пересматривалась и не корректировалась, не-смотря на то, что многие ее положения успели устареть. Более того, альфа и омега любого проектирования — перебор возмож-ных вариантов, а для кемских гидроэлектростанций изначально характерна безальтернативность проектных разработок. Пагуб-ность такой безальтернативности особенно возросла в наши дни в связи с экономическим кризисом и его последствиями — со-

крашением финансовых ресурсов и инвестиционных возможностей общества. Как следствие — изменились приоритеты в экономике страны с переносом акцентов на энергосбережение и современные технологии («СК» от 20. 09. 99 г.). Но кемские гидроэнергетики не пожелали учитывать изменившиеся реалии, а покровительствующий им В. Степанов воспротивился требованиям о проведении экспертизы проектных установок якобы из-за недостатка средств. Его позиция не изменилась и после того, как Министерство окружающей среды Финляндии (отдел в Каяни) согласилось выполнить экспертизу бесплатно. Непокосимость позиции главы республики может быть объяснена только трогательной заботой об интересах отечественных монополистов-гидроэнергетиков, стремившихся скрыть свои недоработки. А если это действительно так, то потворство со стороны В. Степанова деятельности, чреватой негативными последствиями для общества, не имеет оправданий.

Тенденциозная однобокость подхода карельского правительства к сохранению культурного и природного наследия еще ярче высветилась на примере природной и культурной сокровищницы Заонежья, в ценности которой ныне не сомневается никто из серьезных специалистов ни у нас в стране, ни за рубежом. Не случайно как только человечество осознало необходимость перехода от охраны штучных памятников к сохранению фрагментов исторически сложившейся среды, именно Заонежье стало кандидатом номер один на присвоение ему статуса охраняемой территории. Но странное дело: в республике утверждены национальные парки Водлозерский и Панаярви, явно занимающие более скромные места в мировой табели о рангах, и только Заонежье — уникальная территория экстракласса до сих пор остается беззащитной, хотя ее многогранная ценность по-прежнему не подвергается сомнению. Почему это стало возможным? Ответ очевиден, хотя и парадоксален: из-за многогранности богатств Заонежья и желания власть имущих полнее и без лишних хлопот использовать их материальную составляющую.

Изобретательность начальства, большого и малого, особенно обострялась в трудные времена. Так, в голодные и холодные послевоенные годы для отопления вместо дров были использованы иконы потолка-неба Кижской церкви Преображения. И невдомек было «предприимчивым» хозяйственникам, что прой-

дет немного времени, и стоимость сожженных «деревяшек» достигнет на международном художественном рынке астрономической суммы. Так что даже с чисто прагматических позиций дешевле было печи топить ассигнациями, и следовательно, временщики-геростраты явно прогадали. Впрочем, это удел всех временщиков.

Заонежье долгие годы являлось опытным полигоном. Здесь исправно работал пресс по выжиманию соков из деревни, вырубались леса, благо, они были почти столь же доступны, как в пригородной зоне Петрозаводска, и поэтому особенно вожделенны. Но всего этого казалось мало. И тогда зародилась мысль о возможности запустить «варягов» в подземные кладовые заповедной территории, дабы можно было, ничего не делая, исправно получать дивиденды. Эта мысль переросла в навязчивую идею, которая, возможно, и вызвала известную «описку» в Конституции Карелии — отсутствие в ней положения, аналогичного статье 42 Основного Закона Российской Федерации, гарантирующей гражданам право жить в экологически чистой среде.

Не исключено, что законодатели интуитивно предугадали, что такое право в будущем может вступить в противоречие с интересами горнопромышленных магнатов и постсоциалистических рантье из элиты общества.

Но, как бы то ни было, правительство республики загодя стало готовить плацдарм для крупномасштабной индустриальной экспансии. В частности, оно заказало Карельскому научному центру РАН разработку концепции комплексного развития Заонежья, ориентированной на превращение бывлой житницы Карелии в сырьевую базу горно-промышленного комплекса. Кто платит, тот, как известно, и заказывает музыку, а услужливые специалисты научного центра сумели полностью удовлетворить пожелания своих работодателей и создать иллюзию научной обоснованности деструктивной по своей сути затеи. В Карелии тому уже был прецедент — именно петрозаводские ученые в свое время в заказном проекте доказали правомерность строительства бумкомбината на Байкале. Что из этого получилось, ныне знает весь мир.

Да, апологетам индустриализации Заонежья удалось сделать немало, и все-таки первая значительная попытка горноразработчиков проникнуть на заповедный полуостров не удалась: государ-

ственная экологическая экспертиза дала отрицательное заключение по проекту строительства там комбината строительных конструкций. Причина неожиданной для многих и, в первую очередь, для «ручного» Министерства экологии осечки — несговорчивость независимых экспертов.

Урок не пропал даром, и в следующий раз, в апреле 1994 г., министерство полностью реабилитировало себя в глазах воротил горнопромышленного комплекса. Случилось это при аванюре «Карбон-Шунгита», имевшей сомнительную в правовом отношении подоплеку.

На этот раз заключение было положительным, что объясняется тенденциозным подбором состава экспертной комиссии, включившей вместо профессиональных экологов и специалистов по народной культуре (речь-то все-таки шла о Заонежье) избыточное количество разработчиков упомянутой концепции КНЦ РАН. Излишне говорить, что не оказалось среди экспертов и потенциально инакомыслящих ученых (хотя на их участии в экспертизе настаивала экологическая комиссия Медвежьегорского райсовета).

Но самая примечательная фигура в составе экспертов — это сам председатель, специально выписанный из Мурманска и потому априори свободный от местного патриотизма и прочих сантиментов, — главный научный сотрудник горного института Кольского НЦ РАН Ю. Капутин, который, судя по отредактированному им экспертному заключению, неукоснительно придерживался кредо многих геологов: раз разведано — надо разрабатывать, а там хоть трава не расти. Не случайно стараниями сотрудников этого института за считанные годы запад Кольского полуострова был превращен в зловонную пустыню, где впору снимать фильм о последних днях планеты Земля.

Ныне уже ни для кого не секрет, что карельские природоразрушители при попустительстве, а порой и активной поддержке Минэкологии (в составе правительства В. Степанова) ту же участь уготовили Заонежью, а вслед за ним и всей Карелии. Подтверждением тому могут служить некоторые их опережающие маневры, например, подчинение комитета по водному хозяйству комитету по геологии, возглавляемому А. Булавиным. (Как тут не вспомнить слияние леспромхозов и лесхозов в кульминационный момент лесоистребления!)

Косвенно свидетельствует о такой опасности и составленная комитетом природных ресурсов по РК «Справка о подготовке конкурса на право пользования недрами с целью доизучения и разработки урано-благороднометалльно-ванадиевого месторождения Средняя Падма» в Заонежье, полная логических несообразностей, что уже отмечалось на парламентских слушаниях 20. 10. 1999 г. и в СМИ (напомню, в частности, серию хорошо аргументированных и в высшей степени убедительных публикаций ведущего научного сотрудника института геологии КНЦ РАН В. Куликовой на страницах «СК»).

В настоящее время впервые в истории Карелии вопрос о разработке урано-ванадиевых руд в Средней Падме рассматривает общественная экологическая экспертиза, и, надеюсь, в ближайшее время будут расставлены все точки над *i*. Поэтому я не буду касаться сложных научно-технических проблем и остановлюсь преимущественно на очевидных нравственных аспектах развернувшейся в Законодательном Собрании дискуссии и сопутствующих ей закулисных маневров.

На парламентских слушаниях я задал докладчику А. Булавину (в прошлом сотруднику «Невскгеологии» и потому априорно необъективному в своих суждениях) четыре простых вопроса, на которые получил, прямо скажем, обескураживающие ответы.

ВОПРОС ПЕРВЫЙ: Читали ли Вы письмо члена-корреспондента РАН профессора А.В. Яблокова о недопустимости проведения конкурса на право пользования недрами для разведки и добычи урановосодержащих руд месторождения Средняя Падма без предварительного рассмотрения условия конкурса государственной экологической экспертизой на федеральном уровне?

ОТВЕТ: Нет.

КОММЕНТАРИЙ. Тревожное письмо известного российского эколога от 15. 10. 1998 г. было своевременно передано в ЗС главой правительства РК С. Катанандовым, но председательствовавший на слушаниях вице-спикер Палаты Республики А. Чаженин не ознакомил с ним ни депутатов, ни докладчиков.

Эта история имела неожиданное продолжение. Через некоторое время депутат В. Евсеева — убежденная защитница природно-культурного комплекса Заонежья — получила от одного из молодых сотрудников А. Яблокова письмо, которое, по мне-

нию А. Чаженгина, прочитавшего его без ведома адресата (!), было написано в излишне фривольном тоне. Тон ли письма или, скорее всего, возможность «ущипнуть» с его помощью инакомыслящего депутата, а заодно «протащить» на чтениях желаемое решение заставили интеллигентного, казалось бы, мужчину поступить явно не по-мужски — распространить среди депутатов частное, по существу, конфиденциальное письмо в качестве официального документа. (Напомню, что ранее он не пожелал это сделать даже с официально переданным в ЗС письмом А. Яблокова). Естественно, разгорелся скандал, и А. Чаженгин за неэтичное поведение был смещен коллегами с поста вице-спикера. Любопытно, что новый вице-спикер В. Шильников на пресс-конференции 8. 07. 1999 г., положительно охарактеризовав своего предшественника, добавил: «Любой из депутатов, занимающий этот пост, может оказаться в подобной ситуации, когда кто-то из его коллег **на эмоциональной почве** (выделено мною. — В. О.) поставит вопрос о недоверии» («СК» от 10. 07. 99 г.). Уверенность карельского законодателя в зыбкости реноме представителей постсоветской популяции «слуг народа» не лишена оснований: юридическая неприкосновенность стимулирует проявление «синдрома Юпитера» по отношению к прочему человеческому поголовью и в нравственной сфере (стыд, как известно, глаза не ест). Что же касается данного эпизода, то размытость моральных норм, отразившаяся в откровении В. Шильникова, помогла мне понять, как мог он сам и некоторые другие депутаты — бывшие заонежане, проголосовать на парламентских слушаниях за смертный приговор своей малой родине.

ВОПРОС ВТОРОЙ: Сможете ли Вы назвать известные Вам в Карелии более или менее значительные геологические объекты, которые оказались относительно безвредными, оправдав первоначальные экологические прогнозы?

ОТВЕТ (после некоторого замешательства): Шокшинский карьер, Беломорская Чупа.

КОММЕНТАРИЙ. Можно, по-видимому, согласиться с А. Булавиным по поводу «дедовского» карьера в Шокше, который просто в силу своих небольших размеров не смог оказать глобального воздействия на окружающую среду. Но уже в Беломорской Чупе слюдяные шахты необратимо исказили ландшафт. При этом не уч-

тенная вовремя конъюнктура на слюду сделала жертвоприношения природных ценностей бессмысленными, приведшими лишь к бросовым затратам средств и социальной нестабильности — к массовой безработице в Лоухском районе республики. Не является ли этот пример предупреждением для сторонников промышленного освоения Средней Падмы, в связи с противоречивыми прогнозами по поводу мирового спроса на ванадий в обозримой перспективе?

ВОПРОС ТРЕТИЙ: Вы, конечно, знаете, что хозяйничанье горнопромышленного комплекса полностью опустошило западную часть Мурманской области. Не угрожает ли та же участь Заонежью?

ОТВЕТ: Недра Кольского полуострова осваивались при административно-командной системе. Сейчас другие времена...

Последняя ремарка А. Булавина явно в комментариях не нуждается, поскольку чего-чего, а порядка в нашем отечестве в постсоциалистический период явно не прибавилось.

ВОПРОС ЧЕТВЕРТЫЙ: Насколько правомерен конкурс с участием только одного конкурсанта, каковым априорно являлось унитарное государственное предприятие «Невскгеология» с отнюдь не безупречной репутацией?

ОТВЕТ: «Невскгеология» — единственное в стране предприятие, имеющее юридическое право и технические возможности качественно выполнить и доразведку, и разработку месторождения в Средней Падме.

Иллюстрацией к последнему и отчасти к предпоследнему ответам А. Булавина может служить сообщение начальника лаборатории штаба гражданской обороны РК И. Трошина, который, являясь одним из сторонников разработки ураново-ванадиевого месторождения, тем не менее заявил: «Решать, строить или не строить, — не моя компетенция... Меня беспокоит другое: как безответственно проводились (в Средней Падме. — В. О.) геологические изыскания. Поговорка «словно Мамай прошел» полностью соответствует тому, что оставили после себя геологи. ...Если так будет продолжаться и дальше, то угроза Заонежью придет именно с этой стороны — от бесхозяйственности и неумения аккуратно работать» («СК» от 20. 05. 95 г.). И вот таким бесхозяйственным специалистам, не умеющим аккуратно работать, господин А. Булавин и К° собирались отдать на откуп нашу национальную святыню, а заодно, по-

сколько с ураном шутки плохи, сделать заложниками таких специалистов значительную часть населения республики, сконцентрировавшуюся в бассейне Онежского озера, — большую безответственность трудно представить! Впрочем, чего иного можно было ожидать от альянса зафлюсованных узких специалистов, охваченных групповым или отраслевым эгоизмом и при этом отнюдь не бескорыстных (геологов или гидроэнергетиков — это уже вопрос второй) и порожденных номенклатурой «универсальных» управленцев, не желающих учиться системно и комплексно мыслить и потому слепо полагающихся на авось либо привычно штопающих «тришкин кафтан» в режиме «пожарной команды».

С. Катанандов, выбранный в 1998 г. главой республики, сумел взять ситуацию в свои руки. Более того, появилась надежда на спасение, основанная на осмысленных попытках нового правительства выработать научно обоснованную стратегию выживания и лечения разъедающих общество недугов: в Карелии впервые была сформулирована комплексная концепция долгосрочного развития, учитывающая преимущества геополитического положения республики для рационального использования ее интеллектуального и природного потенциала. Применительно к интересующей нас проблеме эта концепция была конкретизирована в Программе развития культуры РК на период до 2008 г., заглавное положение которой гласит, что сохранение, развитие и использование культурного наследия и достижений народов Карелии является одним из важнейших стратегических ресурсов республики.

Важно отметить комплексный характер указанной программы, призванной способствовать интеграции в сфере культуры государственных органов с научной и творческой общественностью. Предполагается, что программа будет реализовываться при активном содействии ряда республиканских министерств и ведомств, действия которых в рамках их компетенции должны идеологически координироваться Министерством культуры.

Симптоматичны в этом отношении такие решения нового правительства РК, как утверждение проекта охранных зон Кеми и отказ идти на поводу у «Невскгеологии». Все это обнадеживает, и потому, несмотря на ужасающие масштабы гибели архитектурного наследия, в заглавии настоящего раздела очерка сохранена вопросительная интонация.

(Продолжение следует)

26–27 октября 2001 года в Санкт-Петербурге прошел Учредительный съезд Союза музеев России. В его работе приняли участие 323 музея из 71 субъекта Российской Федерации. Основные цели новой организации:

- содействие обеспечению интересов музеев в их деятельности, направленной на удовлетворение интересов общества;
- выработка стандартов музейной деятельности;
- повышение социальной роли музеев;
- развитие межмузейного информационного пространства; и др.

Съезд принял Устав Союза музеев России и избрал руководящие органы. На торжественном открытии Учредительного съезда Союза музеев России присутствовали министр культуры Российской Федерации М.Е. Швыдкой, губернатор Санкт-Петербурга В.А. Яковлев, заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе Е.И. Макаров.

ДЕКЛАРАЦИЯ ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ СОЮЗА МУЗЕЕВ РОССИИ

Союз музеев России учрежден 315 музеями России как организация, призванная представлять интересы музейного сообщества страны в целом и каждого музея в отдельности.

Сегодня музеи в нашей стране — одни из самых доступных для российских граждан учреждений культуры. Именно здесь каждый житель нашей страны независимо от пола, возраста и вероисповедания может прикоснуться к истории своего Отечества, увидеть шедевры мирового искусства, проникнуть в глубины естественной истории, ощутить себя сопричастным жизни и судьбе своих великих соотечественников.

2000 российских музеев сохраняют для современников и потомков около 60 миллионов бесценных памятников, представляющих все многообразие материального мира и истории мира.

Количество посетителей, ежегодно приходящих в музейные залы, составляет половину всего населения России, и число их постоянно растет.

В последние годы российские музеи добились исключительных успехов в своем движении к идеалам открытого гражданского общества, взяв на себя реализацию самых разнообразных социально-культурных функций.

Фактически только в музее современный житель России может в полной мере ощутить причастность к национальной культуре своего народа, обрести осознание своей национально-культурной идентичности.

Музеи сегодня — это не только хранилища памятников истории и культуры, представляющие их в своих экспозициях, но и образовательные, научные, досуговые центры, ориентированные на самые различные группы посетителей.

Создание Союза музеев России призвано объединить усилия музеев в освоении новых форм их работы, сформировать объективный образ музея в общественном сознании, повысить престиж музейных профессий.

Союз ставит перед собой задачу расширить взаимные связи музеев страны, привлечь внимание властей к проблемам и нуждам музеев и их посетителей, способствовать повышению социальной роли музеев.

Создание Союза преследует и сугубо профессиональные цели, связанные с музейной интерпретацией современной истории России, адекватным отражением реалий информационной цивилизации XXI века в музейных собраниях и экспозициях, с интеграцией российских музеев в единое культурное пространство Европы и мира.

Организации, подобной Союзу музеев России, в нашей стране не было никогда. Впервые музеи России, в своем подавляющем большинстве хранящие государственные культурные ценности, решили объединиться в представлении своих интересов как носителей исторической памяти народа, являющейся залогом успешного общественного развития.

СПИСОК РУКОВОДЯЩИХ ОРГАНОВ СОЮЗА МУЗЕЕВ РОССИИ, ИЗБРАННЫХ НА УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СЪЕЗДЕ 27 ОКТЯБРЯ 2001 ГОДА

Президент Союза музеев России — Пиотровский Михаил Борисович, директор Государственного Эрмитажа

Исполнительный директор — Александрова Людмила Кирилловна, ведущий научный сотрудник Российского Этнографического музея

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА МУЗЕЕВ РОССИИ

1. **Аксенова Алиса Ивановна**, Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Владимирская область.

2. **Антонова Ирина Александровна**, Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, г. Москва.

3. **Аракчеев Борис Серафимович**, Государственный музей истории Санкт-Петербурга, г. Санкт-Петербург.

4. **Беляева Надежда Владимировна**, Пермская государственная художественная галерея, Пермская область.

5. **Богатырев Евгений Анатольевич**, Государственный музей А.С. Пушкина, г. Москва.

6. **Борзило Иван Иванович**, Краснодарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, Краснодарский край.

7. **Вибе Петр Петрович**, Омский государственный историко-краеведческий музей, Омская область.

8. **Григорян Гурген Григорьевич**, Политехнический музей, г. Москва.

9. **Грусман Владимир Моисеевич**, Российский Этнографический музей, г. Санкт-Петербург.

10. **Гусев Владимир Александрович**, Государственный Русский музей, г. Санкт-Петербург.

11. **Знаменов Вадим Валентинович**, Государственный музей-заповедник «Петергоф», г. Санкт-Петербург.

12. **Клюкина Анна Иосифовна**, Государственный Дарвиновский музей, г. Москва.

13. **Коневская Татьяна Ивановна**, Ростовский областной музей краеведения, Ростовская область.

14. **Корнеев Иван Владиславович**, Ленинградский зоологический парк, г. Санкт-Петербург.

15. **Коротаева Людмила Дмитриевна**, Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Вологодская область.

16. **Корчагин Евгений Николаевич**, Центральный военно-морской музей, г. Санкт-Петербург.

17. **Кучинский Станислав Алексеевич**, Государственный музей истории религии, г. Санкт-Петербург.

18. **Муханов Геннадий Степанович**, Государственный объе-

диненный музей Республики Татарстан, Республика Татарстан.

19. **Никонов Александр Константинович**, Центральный музей Вооруженных Сил, г. Москва.

20. **Петрова Надежда Леонидовна**, Ярославский художественный музей, Ярославская область.

21. **Родионов Валентин Алексеевич**, Государственная Третьяковская галерея, г. Москва.

22. **Рубан Николай Иванович**, Хабаровский краевой краеведческий музей, Хабаровский край.

23. **Саутов Иван Петрович**, Государственный музей-заповедник «Царское Село», г. Санкт-Петербург.

24. **Толстой Владимир Ильич**, Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»», Тульская область.

25. **Шкурко Александр Иванович**, Государственный Исторический музей, г. Москва.

26. **Шумная Тамара Григорьевна**, Государственный центральный музей современной истории, г. Москва.

РЕВИЗИОННАЯ КОМИССИЯ СОЮЗА МУЗЕЕВ РОССИИ

1. **Кузьмин Александр Иванович** — председатель, Государственный мемориальный музей А.В. Суворова, г. Санкт-Петербург.

2. **Верещагина Татьяна Федоровна**, Ульяновский областной художественный музей, Ульяновская область.

3. **Куюкина Татьяна Савватеевна**, Тверская областная картинная галерея, Тверская область.

4. **Сергеева Татьяна Ивановна**, Череповецкое музейное объединение, Вологодская область.

5. **Сивкова Светлана Геннадьевна**, Музей мирового океана, Калининградская область.

6. **Тихонов Владимир Викторович**, Архитектурно-этнографический музей «Тальцы», Иркутская область.

7. **Третьяков Николай Сергеевич**, Государственный музей-заповедник «Павловск», г. Санкт-Петербург.

8. **Черкалин Сергей Дмитриевич**, Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Ярославская область.

9. **Шолохов Александр Михайлович**, Государственный музей-заповедник М.А. Шолохова, Ростовская область.

23–25 мая 2001 г. Минск. Беларусь. Международная конференция «Традиции и обычаи народов России и Беларуси». Участники конференции, среди которых преобладали этнографы, культурологи, историки, экономисты, рассматривали традиции и обычаи народов России и Беларуси в контексте общности прошлого и настоящего их социокультурного и полиэтнического развития. Доклады и сообщения образовали сложную этносоциальную мозаику духовной жизни российского и белорусского обществ, которые объединяет не только прошлое, но и будущее.

13–15 июня 2001 г. Улан-Удэ. Россия. Третий Международный симпозиум «Байкальские встречи», посвященный актуальным проблемам, методологическим и теоретическим аспектам изучения традиционной культуры народов сибирского региона. Рассматривались вопросы специфики современного бытования и исторических судеб традиционной культуры Сибири в условиях постоянных полиэтнических контактов. Ставший уже традиционным симпозиум проводился Восточно-Сибирской государственной академией культуры и искусств.

22 декабря 2001 г. Иркутск. Россия. «Круглый стол» «Проблемы экономической, политической и культурной независимости Монголия». В его работе приняли участие преподаватели иркутских вузов, монгольские аспиранты и студенты, консул Республики Монголии в Иркутске Ч. Баярманлай и др. «Круглый стол» проводился Центром Восточной культуры Иркутской государственной экономической академии и был посвящен 90-летию независимости Монголии и 80-летию Монгольской революции 1921 г.

Дашиева Н.Б. Календарь в традиционной культуре бурят (опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования). — Москва; Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2001. — 299 с.

В монографии рассматриваются проблемы народного календаря и календарной обрядности в традиционной культуре бурят. Выявляются разные архетипы в системе народного календаря бурят конца XIX – начала XX в. Анализируется функциональная направленность, семантика и генезис, взаимосвязь календарных обрядов с историческими типами календарей бурят.

Шахеров В.П. Города Восточной Сибири в XVIII – первой половине XIX вв.: Очерки социально-экономической и культурной жизни. — Иркутск, 2001. — 264 с.

В сборник включены статьи и публикации разных лет, посвященные малоизученным проблемам социально-экономического и культурного развития Иркутска и других городов Восточной Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. Книга представляет собой серию исторических очерков, написанных на основе многочисленных архивных материалов и личных наблюдений автора. Очерки объединены стремлением показать роль городов в становлении российской державности на восточных окраинах государства.

Тихонов В.В. Основные концептуальные направления формирования системы безопасности АЭМ «Тальцы». — Иркутск, 2002. — 60 с.

В книге анализируются основные источники опасности для музеев под открытым небом в зависимости от степени вероятности их возникновения и возможной величины материального ущерба. Показывается становление и развитие службы безопасности Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» с перспективой на будущее.

ЭТА ПРОСТАЯ СЛОЖНАЯ МАСЛЕНИЦА

*Лариса Леонидовна Кондрацкая,
заведующая маркетинговым отделом
Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы»*

Масленица — один из самых древних славянских праздников, переданный нам как эстафета нашими предками. Не единожды официальные власти в процессе политических и религиозных преобразований пытались либо от него избавиться, либо «причесать» под свой гребешок, приурочивая его то к Великому посту (в период христианизации), то просто к Проводам русской зимы (в советский период). Несмотря на все трансформации, до сих пор в контексте праздника сохранились в достаточном количестве обычаи и поверья языческого характера. Создается впечатление, что обычай праздновать Масленицу заложен в генетическую память русского народа.

Масленица мне представляется одной большой энциклопедией, в которой обрядовым языком изложены законы Бытия, наставления, поучения, рекомендации. В ней присутствуют элементы славянской космологии: гибель царства зимы и демона Вирты под ударами Перуна. Присоединение людей к этой великой битве (взятие снежного городища, сжигание чучела) символизирует духовное единство с верховным божеством: воины помогают Перуну; они знают, что если другие племена осмелятся вторгнуться на их территорию, то Перун в свою очередь придет на помощь, укрепит руку в жестокой сече и приведет к победе.

В Масленице можно обнаружить массу советов по практической магии, т. е. обряды Масленицы — это целый учебник по теме «как договориться с Природой». Хотите, чтобы предстоящим летом лен вырос длинным? Тогда девушкам нужно постараться как можно дальше съехать с горки. Хотите, чтобы лето было жарким? Пусть хозяйка испечет блины, круглые и золотые, как солнышко, легкие, как его лучики. Солнышко и поймет, что его ждут, что ему рады. Таким образом, человек, практически владея способами ис-

полнения желаний, является не винтиком, а соучастником и со-творцом великого космического процесса — смены времен года и пробуждения природы. Причем секреты практической магии Природа доверяла в основном женщинам — хранительницам и целительницам рода.

Кулачный бой «стенка на стенку», приводящий в ужас не одно поколение иностранцев, на поверку оказывается массовым сеансом психотерапии. Только во второй половине XX века западные психотерапевты стали рекомендовать как ноу хау своим пациентам для избавления от стресса колотить кулаками по подушке до изнеможения. А русский мужик испокон веку от накопившихся за год «стрессов» избавлялся в кулачно-стеношном бою. Причем самым «застрессованным» разрешалось еще и на следующий день после Масленицы «выколачивать блины», т. е. подраться (получить дополнительный сеанс психотерапии). Ну, а проверить, не потеряли ли мужчины, лежа на печи, боевой дух и сноровку, дать возможность им помериться силой — сам бог велел.

Таким образом, каждый обряд, коих в процессе празднования Масленицы превеликое множество, несет свою конкретную сверхзадачу. И если провести аналогию с Библией, то в Масленице также присутствуют заповеди: почитай предков, помогай укрепнуть молодой семье, воспитывай детей в добре, соблюдай общественные интересы, умеи веселиться и т. д. И не важно, что понимание значения каких-то обрядов давно утеряно. В самом обряде присутствует закодированная информация. И если принять участие в совершении такого обряда, то полезная информация из «файлов» предков переключается в подсознание участников, а генетическая память поможет ее расшифровать и правильно применить.

Однако на поверку «непонятные» обряды в основном уже ушли из практики проведения современной Масленицы. Сложился некий универсальный стереотип проведения данного праздника, как бы состоящий из набора лубочных картинок: мужики лезут на столб за призами, бабы в цветастых платках торгуют снедью, молодежь и ребятишки соревнуются, чучело Масленицы безмолвно ждет своей кончины и все лакомятся блинами. Более того, в XX веке добросовестные культпросветчики в сценарии проведения праздника стали включать несколько иные персонажи: старика Мороза, Зимушку-Зиму, Весну-Веснянку, нечистую силу и т. д. И уже через эти более понятные образы стали по-своему решать извечный конфликт смены времен года. При этом можно было встретить критику на злобу дня, где в определенных эпизодах «лентяи» и

«бракоделы» из числа людей были на стороне злых сил природы и препятствовали приходу Весны. Весна, конечно, побеждала, но все это трактовалось почти стопроцентно в стиле агитбригады.

Можно предположить, что такое несколько необычное решение пришло вследствие необходимости заполнить вакуум, который образовался в советский период после «чистки» Масленицы от религиозных христианских наслоений: обывателю уже не надо было думать о Великом посте и духовном подвиге в период его соблюдения. Но о светлом будущем было думать необходимо, так как это было программной установкой коммунистической партии и все силы бросались на реализацию этой установки, поэтому во время празднования Масленицы вместе со злой Зимой прогоняли, выметали лежебок, лоботрясов и прочих асоциальных элементов, которые мешали строительству светлого будущего.

Вместе с тем сложная, многослойная структура Масленицы постепенно предельно упростилась и сам праздник, по существу, превратился в штамп. С одной стороны, это достаточно удобно для устроителей Масленицы: существует некое расхожее упрощенное клише для проведения данного мероприятия и не нужно изобретать велосипед, с другой стороны, утраченная веками наработанная обрядовость является недостающими звеньями той цепочки, которая соединяла нас с предками и позволяла подпитываться их духовной силой, их сокровенными знаниями. Выпали звенья — порвалась цепь, прекратилась связь. Остались «лубочные картинки» на тему Масленицы — на них можно посмотреть, в них можно поучаствовать. Но сколько бы ни старались устроители праздника и актеры, душа русского человека подспудно чувствует, что чего-то не хватает.

Не хватает тех самых звеньев. Как зародыш человека за девять месяцев внутриутробного развития проходит все этапы эволюции от «головастика» до человеческого дитя, так и развитие русского духа в русском человеке нуждается в ускоренном поэтапном усвоении духовного наследия своей нации, сконцентрированного в рамках того или иного народного праздника, имеющего древние корни. Эволюционная цепочка духа также должна содержать все звенья: от эксцентричного языческого карнавала до страданий Христа, от победы над злыми богами в космологической битве до готовности смиренно страдать вместе со Спасителем.

Предки всегда мудрее, потому что они старше. И мы обязаны усвоить и переработать не только их житейский, но и духовный опыт. И если конкретный житейский опыт (отречение царя от пре-

стола, социалистическая революция, строительство коммунизма и т. д.) в зависимости от курса правительства трактуется то со знаком минус, то со знаком плюс и в результате у современников развивается «исторический астigmatизм», то опыт духовный, переданный на уровень подсознания практически без участия разума посредством театрализованных обрядов, лишен положительной или отрицательной оценки. Он нейтрален. Он просто есть. Он играет роль стержня, интуитивно уравнивая плюсы и минусы. Духовный опыт, бережно передаваемый из поколения в поколение, скорей всего и есть прообраз великого равновесия Вселенной.

Когда перед сотрудниками Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» встал вопрос о проведении Масленицы на территории музея, то даже не возникло дилеммы — какой из вариантов Масленицы воплощать. Было решено «вернуться к корням» и адаптировать действо к пониманию и восприятию современного человека. Совместными усилиями научных сотрудников музея и артистов Театра народной драмы удалось реконструировать этот замечательный народный праздник. В театральном действе присутствуют ключевые компоненты «широкой» Масленицы: создание куклы Масленицы, активное общение с ней (ведь она виновница торжества); масленичный столб с призами; молодецкие забавы и народные игры; красочные выступления фольклорных коллективов города и области; кулачно-стеношный бой в лучших традициях русского народа («раззудись, плечо, размахнись, рука»); взятие снежной крепости с низложением флага защитников (крепость не считается «взятой», пока флаг развевается»); сожжение Масленицы; традиционные олады и блины «с пылу, с жару» с разнообразной начинкой и массовое гулянье гостей на деревенских просторах с катанием с горок на коровьих шкурах и качанием на деревянных качелях.

Самой главной достопримечательностью «музейной» Масленицы является то, что она действительно происходит на лоне природы, в окружении первозданной красоты и белоснежных сугробов. Все коллизии праздничного действа разыгрываются в условиях, приближенных к стародавним временам, потому что естественными декорациями служат памятники деревянной архитектуры прошлых веков. «Широкая» Масленица убедительно, ярко и органично вписалась в подобные «декорации». А восстановленная инфраструктура дореволюционной сибирской деревни внесла в праздник незабываемый колорит причастности каждого к своим предкам, к своим корням. Ведь не случайно испокон веку

Масленица в «Тальцах».

Фото В.В. Тихонова

первый масленичный блин посвящается предкам (в дохристианской Руси считалось, что души умерших по весне «оттаивают» и нуждаются в поминовении). Таким образом, сформировалась особая энергетика праздника, которую ощутил каждый горожанин, попавший на Масленицу в «Тальцы». Участники праздника с изумлением и восторгом констатировали, что «и без водки было весело». Масленицу 2002 года посетило около 11 тысяч горожан. Причем в средствах массовой информации и рекламных афишах сообщалось, что официальное открытие праздника состоится в 13 часов, однако посетители начали съезжаться в музей с девяти часов утра.

Также в рамках праздника состоялся незапланированный эксперимент на тему карнавала. Ведь, по поверью, в Масленицу «оттаивают» не только души предков, но и всякая нечисть, которая после зимних морозов особенно «проголодалась» и может напасть на людей. Чтобы обмануть нечисть, люди на себя «надевали личину», выворачивали тулупы и т. д. В результате таких ряжений и сформировалась культура языческого карнавала.

Примечательным был тот факт, что в музее в контексте празднования данной Масленицы не упоминалось о карнавальная традиции. На территории музея просто были выставлены торговые лотки с карнавальная продукцией. Эта продукция разошлась, что называется, влет. Люди самого разного возраста с удовольствием «рядили» себя в парики, клоунские носы, ослиные уши, всевозможные рога, несуразные банты, огромные галстуки и т. д. Соответственно самостийное ряжение дополнительно внесло яркий мажорный колорит в палитру праздника. Практически никто не знал, зачем на самом деле нужно рядиться, но рядились все. Можно только гадать: проснулась ли это генетическая память или после зимнего цветового однообразия просто захотелось порадовать глаз созерцанием необычных ярких вещей?

По общему мнению, усилия, затраченные на устройство Масленицы, увенчались успехом. Посетители музея праздновали уход зимы основательно, от души, в результате чего получили ощутимый заряд бодрости и веселья. Примечателен и тот факт, что народ гулял до 18 часов, но из 11 тысяч человек не было ни одного «перебравшего» по части алкоголя. Наиболее активные посетители приезжали в музей с собственноручно изготовленными чучелами Масленицы, с музыкальными инструментами, водили «местечковые» хороводы, да так, что порой их трудно было отличить от профессиональных артистов и затейников.

Масленица действительно получилась широкой и по количеству участвовавших в ней людей, и по качеству раздольного веселья. Каких усилий это стоило сотрудникам музея — отдельный разговор. Потому что организация праздника в отличие от его содержания осуществлялась на современном уровне, с учетом менталитета современного человека. Она заключалась в грамотной «раскрутке» рекламной информации о музее «Тальцы» вообще и о предстоящей Масленице в частности; в работе со спонсорами, предоставившими большой ассортимент призов: от маринованных огурцов до сотовых телефонов; в подготовке реквизита; в работе с творческими коллективами; в увязке всевозможных технических, организаторских, финансовых моментов и т. д. и т. п.

Несомненно, чтобы удержать праздник на заданной высоте, нельзя почитать на лаврах. На основе объективного анализа данного мероприятия необходимо выработать стратегию укрепления позиций проведения подобных праздников. Потому что время дешевых праздников, организованных на уровне самодеятельности, безвозвратно прошло. Публика стала разборчивой и довольно требовательной. Можно бесконечно апеллировать к патриотическим чувствам и необходимости возрождения национальной идеи, но если при этом не оформить содержание в качественную упаковку, не расставить правильно акценты в постановочном материале, не задействовать лучших исполнителей, то праздник может провалиться. И на реабилитацию имиджа музея как устроителя качественных массовых мероприятий уйдет не один год.

Музей такого уровня, как «Тальцы», не имеет права на риск, и поэтому работа над качеством проведения подобных мероприятий продолжается.

ЕСЛИ КТО СЛУГ СОДЕРЖИТ БЕЗ ПРИСМОТРА *

Если же людей держат у себя не по средствам и не по прибылям, а потому и не могут удовлетворить их едою, и питьем, и одеждой, или таких, что ремесла не знают и сами не могут пропитаться, приходится такому слуге, мужику, или женке, или девке поневоле, горя, и лгать, и красть, и блудить, а мужикам и грабить, и красть, и в корчме пить, и всякое зло чинить, — так тем неразумным господину и госпоже от Бога грех, а от людей насмешка и жизнь без соседства, ибо соседи растащут и разорят весь дом — и сам оскудеет за бедность ума своего.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

«ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ЗАКОН БОЖИЙ?»

Из № 1 (12), 2001:

1. Бог — Дух невидимый, но Он являлся святым людям видимым образом. Поэтому на иконах и изображаем Бога в том виде, в каком Он являлся.
2. Хвалебная молитва Господу Богу читается так: Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе.
3. Первый член Символа Веры читается так: Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым.
4. Десять заповедей закона размещены были на двух скрижалях, потому что в них содержится два вида любви: любовь к Богу и любовь к ближнему.
5. Евангелие — это слово Божие, учение Господа нашего Иисуса Христа.
6. Перечислены двенадцатые праздники, установленные в честь и славу Бога и Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой Его Матери Девы Марии.

* Печатается по книге: Домострой. — М.: Захаров, 2001. — 140 с.

